

300 СПАРТАНЦЕВ

ВИКТОР
ПОРОТНИКОВ

БИТВА ПРИ
ФЕРМОПИЛАХ

Виктор Поротников

**300 спартанцев. Битва
при Фермопилах**

«Яуза»

2011

Поротников В. П.

300 спартанцев. Битва при Фермопилах / В. П. Поротников — «Яуза», 2011

Первый русский роман о битве при Фермопилах! Военно-исторический боевик в лучших традициях жанра! 300 спартанцев принимают свой последний бой! Их слава не померкла за две с половиной тысячи лет. Их красные плащи и сияющие щиты рассеивают тьму веков. Их стойкость и мужество вошли в легенду. Их подвиг не будет забыт, пока «Человек звучит гордо» и в чести Отвага, Родина и Свобода. Какая еще история сравнится с повестью о 300 спартанцах? Что может вдохновлять больше, чем этот вечный сюжет о горстке воинов, не дрогнувших под натиском миллионных орд и павших смертью храбрых, чтобы поднять соотечественников на борьбу за свободу? И во веки веков на угрозы тиранов, похваляющихся, что их несметные полчища выпивают реки, а стрелы затмевают солнце, – свободные люди будут отвечать по-спартански: «Тем лучше – значит, станем сражаться в тени!»

© Поротников В. П., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	27
Глава четвертая	31
Глава пятая	37
Глава шестая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктор Поротников

300 спартанцев. Битва при Фермопилах

© Поротников В.П., 2011

© ООО «Издательство «Яуза», 2011

© ООО «Издательство «Эксмо», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Глава первая Леарх, сын Никандра

Этой процедуре подвергались все овдовевшие спартанки не старше сорока пяти лет. Так повелось с той поры, как граждане Лакедемона стали жить по законам Ликурга.

Из года в год ранней осенью в определенный день все вдовы Спарты, те, что еще могли рожать детей, были обязаны предстать перед особым государственным чиновником – гармосином. Гармосинов было пятеро, по числу территориальных округов, на которые был разделен город Спарта.

В обязанности гармосинов, которых ежегодно переизбирали, входило наблюдение за поведением и нравственностью свободнорожденных спартанок всех возрастов. Также гармосины были обязаны следить за здоровьем и внешним видом вдовствующих спартанок и способствовать тому, чтобы те поскорее вновь вышли замуж. Потому-то при ежегодных осмотрах неизменно присутствовали врачи, а женщин заставляли раздеваться донага, чтобы можно было узреть малейшие признаки любого зарождающегося недуга.

Пройдя осмотр у врачей, женщины по-прежнему в обнаженном виде поочередно представляли перед гармосином, который не только заводил с каждой речь о новом замужестве, но в первую очередь проявлял внимание к внешности женщины. Гармосин имел право высказать порицание и даже назначить наказание любой из вдов, если видел, что та плохо ухаживает за волосами или ногтями или же излишняя полнота портит ее фигуру.

Законодатель Ликург освободил спартанок от всех трудов по домашнему хозяйству, обязав их заниматься только собой, чтобы женщины всегда были здоровы и красивы, чтобы у них рождались крепкие дети. Спартанки с юных лет были обязаны заниматься гимнастикой, борьбой, плаванием... Опытные педагоги обучали девушек ездить верхом, стрелять из лука, кидать дротик в цель. Девушки также обучались музыке, пению и танцам, без этого в Спарте не проходило ни одно торжество.

В этом году состоялись очередные Олимпийские игры, на которых спартанский юноша Леарх одержал среди сверстников из других греческих городов победу в пентатле. Так называлось пятиборье, куда входили бег, борьба, прыжки в длину, метание копья и диска.

По этой причине при нынешнем осмотре вдов в Лимнах гармосин Тимон особое внимание уделил спартанке Астидамии, матери Леарха. Спарта состояла из пяти больших кварталов, один из которых назывался Лимны. Астидамия овдовела семь лет тому назад, но вторично выходить замуж явно не спешила, целиком посвящая себя сыну. Кроме Леарха у Астидамии имелась еще дочь по имени Дафна, которая уже второй год пребывала в замужестве.

Для своих тридцати девяти лет Астидамия выглядела прекрасно. Это была довольно высокая белокожая женщина с широкими бедрами и гибкой талией. У нее были небольшие груди, красивые плечи, гибкие руки с изящными пальцами.

Тимон не смог отказать себе в удовольствии полюбоваться совершенными по красоте ягодицами Астидамии, поэтому он попросил ее повернуться к нему спиной.

Астидамия, полагая, что Тимон желает получше рассмотреть ее волосы, собранные в пышный пучок на затылке, уже поднесла руки к голове, чтобы вынуть из прически заколки и снять ленту, но Тимон остановил ее.

– Садись, Астидамия, – сказал гармосин. – Ты, как всегда, обворожительна!

– Я знаю, – невозмутимо промолвила Астидамия, усевшись на стул и положив ногу на ногу.

Астидамия несколько не стыдилась того, что находится обнаженной перед мужчиной, который восседает напротив в кресле с подлокотниками и не спускает с нее глаз.

Вся жизнь спартанок с юных лет и до зрелого возраста проходит под пристальным наблюдением гармосинов и их помощников, от которых было невозможно скрыть ни изъянов фигуры, ни непристойного поведения. Неусыпное око гармосина было для спартанок столь же незыблимо, как небо и солнце. К совершеннолетию каждая спартанка уже привыкала обнажаться перед гармосинами, от которых во многом зависело их женское счастье. Ведь девушке, имеющей недостаточно красивое телосложение, гармосин не позволял выходить замуж, покуда та не сбросит лишний жир или не исправит сутулую осанку.

У Астидамии никогда не было затруднений с гармосинами. Она вышла замуж в семнадцать лет за человека, которого полюбила. Супруг Астидамии умер от ран, он был самым прославленным воином в Спарте. На все уговоры родственников о новом замужестве Астидамия отвечала решительным отказом.

Тимон давно знал Астидамию. Он питал к ней чувство более глубокое, чем обычная симпатия, поэтому в его речи не было упреков и обвинений в недомыслии, к каким обычно прибегают другие гармосины, встречаясь со вдовами, не желающими заводить новую семью.

– Астидамия, не пора ли тебе прервать свое затянувшееся вдовство? – молвил Тимон, глядя женщине в глаза. – Ты родила Спарте олимпийника. Уже за одно это ты достойна счастливого супружества. Если ты переборешь свое упрямство, то вполне сможешь родить еще одного славного сына, а то и двух.

Астидамия ничего не сказала на это, хотя Тимон намеренно сделал долгую паузу.

– Вот список мужчин, достойных граждан, которые не прочь соединиться с тобой узами законного брака. – С этими словами Тимон придвинул к себе узкий ящик, стоящий на полу. Он достал из него две навощенные дощечки, соединенные красным шнуром. – Если хочешь, Астидамия, я зачитаю тебе весь список. Тут не меньше двадцати имен – очень широкий выбор.

Астидамия чуть заметно улыбнулась:

– В прошлом году список желающих взять меня в жены был втрое короче.

– Ничего удивительного – ведь твой сын стал ныне олимпийником, – заметил Тимон. – А каков сын, такова и мать.

– Вот как? – Астидамия опять улыбнулась. – А я полагаю, что любые качества характера, дурные и хорошие, дети наследуют от родителей, а не наоборот.

– Так, я читаю список... – Тимон раскрыл восковые таблички, как книгу. – Первым идет...

– Не утруждай себя, – прервала Тимона Астидамия. – Я уверена, в этом списке нет такого мужчины, который мог бы сравниться с моим Никандром.

– Если хочешь, можно устроить состязание женихов, – предложил Тимон. – Пусть твоим мужем станет сильнейший.

– Сильнейшего выявить нетрудно, – вздохнула Астидамия. – Главная трудность в том, смогу ли я полюбить этого человека. Согласись, Тимон, притворство в таком деле недопустимо. А скрытая неприязнь и вовсе оскорбительна.

Тимон убрал таблички обратно в ящик.

– Я вижу, ты не меняешься, Астидамия, – проворчал он. – Все так же красива и все так же упряма! Гляди, отцветет твоя красота и останешься ты наедине со своим гордым одиночеством.

– Тогда я приду к тебе, Тимон, – с лукавой улыбкой на устах проговорила Астидамия.

– К сожалению, я женат, – все так же ворчливо обронил Тимон.

– Ну и что, – пожала плечами Астидамия. – Закон ведь не запрещает спартамцам знатного рода иметь двух жен.

Двоеженство действительно было распространенным явлением среди спартанской знати, поскольку из-за постоянных войн мужчин в Спарте было меньше, чем женщин.

* * *

Леарх никогда особенно не стремился к первенству в состязаниях среди юношей. Лишь смерть отца пробудила в Леархе столь неумное рвение, позволившее ему сначала стать лучшим бегуном в Спарте, а потом превзойти всех сверстников по прыжкам в длину, в метании копья и диска. За всеми этими успехами Леарха, по сути дела, стояла непреклонная воля его матери. Астидамия постоянно твердила сыну, мол, если его отец был лучшим воином в Спарте, то ему обязательно надо стать лучшим атлетом.

Супруг Астидамии при жизни мечтал о том, чтобы его сын стал победителем на состязаниях в Олимпии. Для Астидамии мечта ее безвременного умершего мужа стала чем-то вроде его последней воли. Сильная по характеру Астидамия приложила все свои старания, чтобы и ее сын загорелся честолюбием.

Среди сверстников Леарха имелись и более выносливые, чем он, и более смекалистые, и более сильные. Однако педономы только в глазах у Леарха видели нестигаемое упорство, благодаря которому этот юноша с женственными чертами лица в последний момент мог вырвать победу у более сильного соперника. Потому-то опытные педагоги решили отправить на состязания в Олимпию именно Леарха, сильнее всех прочих юношей настроенного на победу. И педономы не просчитались.

Став олимпийником, Леарх вкусил таких почестей от сограждан в свои девятнадцать лет, о каких никогда не смел и мечтать. Более всего Леарху запомнился его торжественный въезд в Спарту в колеснице, запряженной четверкой белых лошадей. В тот день Леарха, увенчанного венком из ветвей священной маслины, вышел встречать весь город от мала до велика. Тысячи людей выкрикивали приветствия Леарху, женщины и дети бросали цветы на дорогу перед колесницей. Поздравить Леарха пришли все высшие должностные лица Спарты: эфоры, старейшины и оба царя.

Отныне Леарх и все его будущие потомки освобождались от любых налогов в пользу государства. Самому Леарху с этого момента позволялось, несмотря на молодость, занимать самые почетные места на любых торжествах, а во время сражения Леарх имел почетное право находиться рядом с царем. Для спартанца это была самая высшая почесть.

Однако для Леарха в теперешнем его положении более приятной и волнительной оказалась выгода совсем иного рода. Леарх вдруг оказался в центре женского внимания. Не только сверстницы или девушки чуть постарше, но и замужние женщины выискивали разные способы, чтобы обратить на себя внимание олимпийника. Матери, чьи дочери были на выданье, видели в Леархе самого выгодного жениха, какого только может послать девушке счастливая Судьба. Молодые вдовы страстно желали опутать олимпийника своими чарами.

Спартанки охотились за Леархом, одержимые кто своим женским тщеславием, кто навязчивым желанием родить ребенка от олимпийника. Женщины искренне верили, что всякий победитель передает своему потомству кроме внешнего сходства еще и свою удачливость.

Древние греки всерьез полагали, что с помощью тренировок вполне возможно взрастить сильного атлета. Однако при отсутствии удачи – этой столь изменчивой милости богов – даже самый сильный и ловкий атлет может оказаться на втором месте. Олимпийские игры издревле считались под особым покровительством Зевса, царя богов. Вот почему всякий олимпийник признавался эллинами в какой-то мере любимцем Зевса.

Прошел всего месяц после победного возвращения Леарха из Олимпии, но и за столь небольшой промежуток времени сын Астидамии успел побывать в объятиях у стольких жен-

щин, что давно сбился со счета. Каждый новый день начинался для Леарха с неизменной прогулки по городу, во время которой и случались все его любовные приключения.

Поскольку Леарху было девятнадцать лет, то по возрасту он входил в разряд юношей, называвшихся в Спарте меллирэнами. Это были юноши от восемнадцати до двадцати лет. Они были обязаны нести военную службу в пограничных крепостях. Победа в Олимпии освобождала Леарха от этой воинской повинности. Более того, педономы возлагали надежды на Леарха и на грядущих Немейских играх, проводившихся в аргонидском городе Немее зимой сразу после Олимпийских игр. На Немейских играх педономы намеревались выставить Леарха на состязании в двойном беге.

Этот забег назывался так потому, что бегун пробегал дистанцию в один олимпийский стадий (192 м), поворачивал в конце и снова возвращался к старту.

Перед началом тренировок для состязания в Немее Леарху были предоставлены два месяца отдыха на восстановление сил. Однако юнец, вошедший во вкус плотских утех, растрачивал свои силы, с утра до вечера охотясь за наслаждениями.

Вот и сегодня Леарх только собрался было прогуляться до площади Хоров, как перед ним внезапно появилась его старшая сестра, красотой и властностью уродившаяся в мать.

Дафна была прекрасно сложена, восхитительные формы ее тела хорошо просматривались сквозь легкую ткань пеплоса, длинные складки которого волнистыми линиями струились по стану юной спартанки. Узор ниспадающих складок причудливо менялся при каждом движении Дафны, и тогда сквозь мягкую бежевую ткань проступала то ее дивная грудь, то соблазнительная линия бедра, то округлое колено.

Золотистые длинные волосы Дафны были тщательно завиты длинными спиралевидными локонами и уложены в причудливую прическу. Вокруг головы Дафны шел валик из завитых волос, позади которого волосы были гладко зачесаны назад и собраны в пышный пучок. Несколько завитых локонов ниспадали Дафне на шею.

Такие прически спартанки переняли у карийских женщин. После того как персы подавили Ионийское восстание, в лаконских городах появилось немало выходцев из Карики, спасавшихся от мести персидского царя. Карийцы помогали ионийцам в их борьбе с персами.

Дафна поцеловала брата в губы. Так она делала всегда, когда собиралась поведать ему что-то очень важное.

Заинтригованный Леарх снял с себя плащ и уселся на скамью рядом с сестрой, повинаясь повелительному жесту ее изящной руки. В больших темно-синих глазах Дафны было что-то таинственное.

– Куда ты собрался? – спросила Дафна у брата. Не дожидаясь от него ответа, она добавила с улыбкой: – Все гоняешься за женскими юбками!

– Я гоняюсь?! – Леарх сделал изумленное лицо. – Еще неизвестно, кто за кем гоняется! Стоит мне появиться на улицах Спарты...

– Как женщины начинают набрасываться на тебя из-за каждого дерева, из-за каждого угла! – со смехом воскликнула Дафна. – Тебе, наверно, кажется с некоторых пор, что все женщины Спарты похожи на похотливых менад. Так, братец?

Леарх молча пожал плечами, не понимая, куда клонит Дафна и что ей, собственно, от него нужно.

– Я пришла сказать тебе, братец, чтобы ты не растрачивал себя попусту на всех женщин подряд, – уже совсем другим тоном промолвила Дафна. – Ведь тебе предстоит состязаться в беге на Немейских играх. И еще: коль ты стал любимцем Зевса Олимпийского, то почему бы тебе не стать любовником женщины, чей род по отцовской линии восходит к царю богов.

На лице у Леарха появились удивление и любопытство. До сих пор ему удавалось соблазнять спартанок, которые не могли похвастаться знатностью своих предков. Как раз с такими женщинами Леарху было легче всего заводить знакомство накоротке где-нибудь на тихой

улочке, поскольку спартанки из незнатных семей появлялись вне дома без сопровождения родственников или служанок.

– Тобой, братец, заинтересовалась одна очень знатная женщина, – продолжила Дафна, понизив голос. – Она желает встретиться с тобой сегодня ночью.

– Как ее зовут? – Леарх почувствовал, как сердце учащенно заколотилось у него в груди. – Сколько ей лет? Она красива?

– Имя этой женщины я пока не могу тебе назвать, – негромко ответила Дафна. – Она старше меня всего на четыре года. А ее внешность ты увидишь, когда придешь к ней на свидание. Не беспокойся, братец, эта женщина очень хороша собой.

– В каком месте эта знатная спартанка хочет со мной встретиться? – Леарх посмотрел в глаза Дафне.

– У меня дома, – сказала Дафна, не отводя глаз.

Леарх понимающе покивал. Муж Дафны ныне пребывает на Крите вместе со спартанским войском. Там идет война. Спартанцы приняли в ней участие, придя на помощь к своим давним союзникам.

– Придешь в первом часу пополудни и постучишь в дверь вот так. – Дафна несколько раз ударила по скамье костяшками пальцев. – Только не грохочи изо всей силы!

Дафна упруго поднялась со скамьи, изящным движением оправив складки своего длинного одеяния.

– До свидания, братец! – Дафна нагнулась, подставляя щеку для поцелуя.

Леарх поцеловал сестру, и та направилась к выходу.

– Эта знатная женщина замужем? – торопливо спросил Леарх, когда его сестра взялась за дверную ручку.

Обернувшись, Дафна качнула своей красивой головой. При этом длинные локоны в ее причёске пришли в движение, будто подхваченные легким ветерком.

– Для тебя это имеет большое значение, братец?

– Вовсе нет. – Леарх вдруг смутился. – Я просто так спросил. Супруг ведь может потерять эту женщину, если она покинет свой дом посреди ночи.

– Не тревожься, братец. – Дафна ободряюще улыбнулась Леарху. – Мужа этой женщины нет в Спарте. И скоро он домой не вернется.

Дафна скрылась за дверью.

Объятый волнением, Леарх принялся лихорадочно соображать, какую из знатных молодых спартанок имела в виду его сестра. Он перебирал в памяти всех подруг Дафны, которые были старше ее по возрасту. Перед мысленным взором Леарха проходили чередой женские лица. Они возникали, словно видения, и тут же пропадали, поскольку ни одна из ближайших подруг Дафны, по мнению Леарха, не подходила под описание той загадочной незнакомки, которая «положила» на него глаз.

* * *

После осмотра вдов гармосины были обязаны отчитаться перед эфорами.

Коллегия эфоров, также состоявшая из пяти человек, заседала в эфореоне, небольшом здании, расположенном на главной площади Спарты. По своему положению эфоры являлись не просто блюстителями законов и древних обычаев Лакедемона. По сути дела, это была высшая государственная власть, в подчинении у которой находились все прочие чиновники, старейшины и даже цари. Эфоры избирались сроком на один год. В эту коллегию неизменно попадали только самые знатные из спартанцев, чьи родословные восходили к богам и легендарным героям.

Старейшины, в отличие от эфоров, избирались в герусию на пожизненный срок. Но если эфором мог стать по закону всякий знатный гражданин, достигший сорокалетнего возраста, то в геронты выбирали лишь шестидесятилетних спартанцев. Совет старейшин был совещательным органом при царях, а также высшей судебной инстанцией в Спарте. Еще старейшины вели всю необходимую работу по подготовке и проведению народных собраний.

Гармосины давали отчет эфорам не все вместе, а по очереди, ибо каждый отвечал за свою собственную деятельность в одной из пяти ком, на которые делилась Спарта.

Гармосину Тимону по жребию выпало отчитываться перед эфорами самым последним. Тимон посчитал это везением, поскольку большими успехами он похвалиться не мог и уповал лишь на то, что эфоры не будут к нему слишком строги, выслушав отчеты тех гармосинов, у которых дела обстоят гораздо лучше.

Однако надежды Тимона на снисхождение к нему со стороны эфоров рассыпались в прах, едва он сообщил общее число вдов в Лимнах, число родившихся детей за последние полгода и число умерших мужчин за этот же период.

После радужной картины, вырисовывавшейся из отчетов прочих гармосинов, сообщение Тимона вызвало сильное недовольство у эфоров. Особенно негодовал эфор-эпоним Сосандр.

– Значит, младенцы в Лимнах мрут как мухи, зрелых мужчин там становится все меньше, а женщины не рожают детей, ибо почти каждая четвертая вдовствует, – мрачно подытожил он. – Я думал, что в Киносуре самое плохое положение с рождаемостью и смертностью. Выходит, я ошибался – худшее положение, оказывается, в Лимнах.

Эфоры восседали в удобных креслах с подлокотниками из слоновой кости. Тимон стоял перед ними с навоощенной табличкой в руках.

– Так-то ты служишь государству, Тимон! – раздался осуждающий голос эфора Клеомеда. – Или тебе неизвестно, что община спартиатов заинтересована в большей рождаемости? Ты забыл разве, что Спарта окружена селениями илотов, которых в несколько раз больше, чем спартанцев. Только наше сильное войско удерживает илотов в повиновении. Воины не возникают по мановению руки, Тимон. Воинов приходится взращивать из мальчиков. А чтобы было больше мальчиков, спартанки должны чаще рожать. Тебе это понятно?

– Вполне. – Тимон удрученно покачал головой.

– Тогда почему в Лимнах так много молодых вдов? – Клеомед не скрывал своего раздражения. – Где результат твоей деятельности, Тимон?

– Мне удалось выдать замуж всех вдов моложе тридцати лет, – оправдывался Тимон. – Поверьте, это было нелегко сделать, ведь у женщин на первом месте чувства и симпатии, а не желание рожать детей от кого попало.

– Что значит от кого попало! – рассердился Сосандр. – Никто не принуждает тебя, Тимон, предлагать в мужья вдовствующим спартанкам периежков и неодамонов. Если в Лимнах мало вдовцов-спартанцев, значит, тебе нужно обращаться за помощью к другим гармосинам.

– Я обращался. – Тимон уязвленно вскинул голову. – Но в соседних комах та же самая картина: вдов больше, чем вдовцов. Ведь женщины в Спарте умирают только от болезней, а мужчины погибают не только от болезней, но и на войне.

– Ты сообщил нам неслыханную новость, Тимон! – язвительно усмехнулся Сосандр. – Может, ты предлагаешь спартанцам вообще не братья за оружие?

– Этого я не предлагаю! – огрызнулся Тимон. – Я вообще ничего не предлагаю! Я просто объясняю, дабы вы все не подумали, что я бездельничал, заняв должность гармосина.

– Может, ты и не бездельничал, друг мой, – промолвил эфор Геродик, голосом и взглядом давая понять Тимону, что отговоркам тут не место. – Однако плоды твоей деятельности ничтожно малы. Ты говоришь, что выдал замуж всех вдов моложе тридцати. Что ж, это похвально. Но в твоём списке основная масса вдов – это женщины старше тридцати лет. О них ты, как видно, забыл.

– Я уже подыскал мужей семерым вдовам из этого списка. – Тимон холодно взглянул на Геродика.

– Семерым из тридцати трех! – Геродик поднял кверху указательный палец, акцентируя на этом внимание своих коллег.

– И впрямь, Тимон, успехи твои скромны, если не сказать ничтожны, – вставил эфор-эпоним. – В этой связи я хочу заметить, что когда наше войско вернется с Крита, то вдов в Спарте, конечно же, прибавится.

– Я не могу силой принуждать вдов снова выходить замуж, все они свободные женщины, – сказал Тимон, чувствуя, что эфоры явно намереваются наказать его огромным штрафом. – Я также не имею права предлагать вдовам в мужья тех вдовцов, которые по разным причинам ограничены в гражданских правах. Мне приходится учитывать симпатии женщин в большей мере, чем симпатии мужчин-вдовцов. Ведь речь идет не просто о соединении двух одиноких людей, но о создании полноценной семьи, в которой должны появиться дети или хотя бы один ребенок.

Однако эфоры продолжали обвинять Тимона в нерадивости.

– Ладно бы, в твоем списке среди вдов не было привлекательных женщин, но ведь это не так, – заметил эфор Клеомед. – Неужели для красавицы Астидамии не нашлось мужчины, согласного взять ее в жены? Ни за что не поверю в это!

Тимон с тяжелым вздохом поведал эфорам, что как раз Астидамия-то самая неприступная из всех лимнатских вдов.

– Многие мужчины сватаются к Астидамии, но она всех отвергает из-за своей любви к умершему мужу, – сказал он.

– Мне непонятно, друг мой, – опять заговорил эфор Геродик, – ты выгораживаешь себя или Астидамию?

– Никого я не выгораживаю! – Тимон начал терять терпение. – Я лишь пытаюсь объяснить вам...

– Он пытается объяснить нам ситуацию, – проговорил эфор Клеомед, повернувшись к Геродику. – Когда не справляются с делами, всегда пытаются что-то объяснить.

– А-а, – протянул Геродик, насмешливо качая головой.

– Твои объяснения нам понятны, Тимон, – сказал эфор-эпоним, нахмутив брови. – Нам только непонятно, почему граждане Лимн назначили гармосином именно тебя. Твоя рассудительность похвальна. Однако было бы лучше, если бы ты не потворствовал капризам вдов, но ради выгоды государства сочетал по возможности хитрость с принуждением. Ведь чувства женщин переменчивы, как погода весной.

До конца года по спартанскому календарю оставалось еще около месяца. Эфоры решили не штрафовать Тимона, но дать ему последнюю возможность до сложения должности гармосина улучшить положение в Лимнах если не с рождаемостью, то хотя бы с уменьшением числа вдовствующих спартанок.

Тимон и за это был признателен эфорам, хотя понимал в душе, что вряд ли ему по силам сделать за месяц то, чего он не смог сделать и за год.

Желая приучить граждан к коллективизму и взаимовыручке, законодатель Ликург разделил все мужское население Спарты на возрастные группы. С семи лет спартанские мальчики пребывали в илах, отрядах по пятнадцать-двадцать человек. Эти отряды жили в особых помещениях, куда был запрещен доступ родителям и родственникам маленьких спартанцев. Во главе илы стоял иларх, это был, как правило, юноша до двадцати лет, заслуживший это право своим безупречным нравственным обликом. Несколько ил объединялись в более крупное подразделение, называвшееся бум. Во главе буя стоял буаг, избиравшийся самими детьми из числа илархов.

Таким образом, сыновья спартанских граждан с самых юных лет приучались к дисциплине и суровому распорядку, царившему в илах, напоминавших военный лагерь.

Помимо обычных школьных занятий, где детей обучали читать, писать и считать, педагоги заставляли своих воспитанников играть в подвижные коллективные игры, развивая в них сноровку и смекалку. Всех детей без исключения учили плавать, преодолевать различные препятствия, лазить по деревьям. С десяти лет мальчиков обучали музыке и танцам, преимущественно военным, демонстрирующим ловкость и умелое обращение с оружием.

В шестнадцать лет юные спартанцы становились эфебами, то есть «выпускниками». Их распределяли по агелам, группам по двадцать пять – тридцать человек. С этой поры главный упор в воспитании делался на развитие силы, выносливости, умении терпеть боль. Во главе агелы стоял агелат. Обычно это был отец одного из эфебов, имевший заслуги перед государством. Агела была прообразом будущего воинского подразделения – эномотии.

Достигнув восемнадцати лет, спартанские юноши становились меллирэнами, то есть «кандидатами».

Меллирэны всей агелой вступали в спартанское войско и были обязаны два года нести службу в пограничных крепостях. Агела преобразовывалась в эномотию, которая, в свою очередь, делилась на еще более мелкие подразделения – филы. Отныне главной обязанностью юношей, ставших воинами, было постижение нелегкой воинской науки. Юноши должны были за два года научиться владеть мечом и копьем, держать строй на марше и в бою, совершать различные перестроения в полном вооружении, перевязывать раны, выдерживать длинные переходы в жару и холод, днем и ночью.

Только после этого меллирэнов допускали к присяге. В двадцать лет все присягнувшие спартанские юноши становились ирэнами, то есть «достойными». Они по-прежнему проводили большую часть времени в военном стане, но уже не на границе, а поблизости от Спарты. Ирэны еще не имели гражданских прав, они лишь готовились стать полноправными гражданами. Для этого им было необходимо доказать свою доблесть, честность, непорочность и завести семью.

В тридцать лет ирэны становились спартиатами, то есть спартанскими гражданами. У них появлялось право участвовать в народном собрании, быть избранными на любую гражданскую должность, кроме эфората и герусии, а также на любую военную должность, кроме лохагов и гармостов. Всякий спартанец, вступающий в гражданский коллектив, получал от государства участок земли – клер. Обрабатывать этот участок были обязаны государственные рабы – илоты, отдававшие половину урожая своему господину.

Все женатые спартанцы объединялись в сисситии – так назывались коллективные трапезы, проходившие в вечернее время. Если утром и днем спартанский гражданин мог разделить трапезу дома с супругой, то вечером он был обязан находиться в кругу своих сотрапезников. На этих коллективных трапезах граждане не просто утоляли голод, здесь прежде всего обменивались новостями, вели беседы на различные темы, приглашали друг друга в гости, советовались по поводу разных дел.

В каждой коме, из которых состояла Спарта, было по шесть об – родовых объединений. Каждая об имела свой дом сисситий. В каждом таком доме собиралось по несколько групп сотрапезников, которые подбирались по родству и знатности. В одной такой группе сотрапезников могло быть от пятнадцати до тридцати человек. Это зависело от числа граждан, имевших доступ на сисситии в той или иной об. Каждый сотрапезник ежемесячно приносил два мешка ячменной муки, два больших сосуда с вином, корзину смокв, несколько головок сыра и немного денег для покупки мяса и рыбы.

Если кто-то из сотрапезников совершал жертвоприношение или уходил на охоту, то для общего стола поступала часть жертвенного животного или добычи. Те граждане, кто не вносил необходимые взносы, на общественные трапезы не допускались. Доступ туда был закрыт и для

граждан, запятнавших себя каким-нибудь преступлением, трусостью в сражении и неожиданно овдовевшим. Не посещавшие сисситии спартанцы соответственно лишались части гражданских прав. Эти люди имели право участвовать в народном собрании и служить в войске, но их нельзя было избирать ни на какую должность.

* * *

Выйдя из эфорея, Тимон отправился не к себе домой, а в гости к спартанцу Эвридаму, который вот уже несколько лет мыкался один, без жены. Супруга Эвридама скончалась при родах, произведя на свет третьего сына. В связи с этим получилась довольно запутанная ситуация. По спартанским законам спартанец, имеющий троих сыновей, освобождается от многих государственных повинностей. И Эвридам имел эти привилегии, но в то же время он был ограничен в гражданских правах из-за своего затянувшегося вдовства.

Эвридам был еще не стар, ему было сорок шесть лет. Участие во многих битвах с врагами ему дорого обошлось. В сражениях Эвридам потерял левый глаз и четыре пальца на левой руке, а также он сильно хромал на правую покалеченную ногу. Кроме этого, лицо Эвридама было покрыто ужасными шрамами, так что смотреть на него без содрогания было невозможно. Хромота и отталкивающий внешний вид отпугивали от Эвридама всех спартанок, поэтому он жил с рабыней, захваченной им в одном из походов.

Старший сын Эвридама был уже эфебом, двое младших сыновей пребывали покуда в детских илах. Мальчики виделись с отцом всего несколько раз в году по большим праздникам, все остальное время проводя в кругу своих сверстников.

Эвридам удивился, увидев Тимона на пороге своего дома.

– Заходи, гармосин! – с беззлобной иронией промолвил он, выслушав приветствие нежданного гостя. – Рад тебя видеть! Зачем-то я тебе понадобился, не иначе.

Единственный глаз Эвридама с нескрываемым любопытством сверлил Тимона, который чувствовал себя довольно неловко.

Действительно, когда-то Тимон был частым гостем Эвридама. В ту пору Эвридам был здоров и крепок. Он стоял во главе эномотии и обладал всеми гражданскими правами. Потом у Эвридама умерла жена, а его самого постоянно преследовали тяжелые увечья и раны. В конце концов Эвридам был отчислен из войска и забыт не только властями, но и многими друзьями.

– У меня к тебе серьезный разговор, – выдавил Тимон, слегка прокашлявшись, чтобы скрыть волнение.

– Тогда прошу в экус, приятель. – Эвридам сделал гостеприимный жест в сторону самого большого и светлого помещения в доме.

Эвридам был искренне рад встрече с Тимоном.

Проходя через мужской мегарон, Тимон покосился на молодую темноволосую женщину с большим некрасивым носом и небрежно одетую. Это была рабыня Эвридама, которая не только ублажала его на ложе, но и делала всю работу по дому. В данный момент она готовила обед, подкладывая в огонь очага корявые поленья. На огне стоял большой глиняный горшок, в котором булькало какое-то варево, судя по запаху, чечевичная похлебка с мясом.

Рабыня бросила на Тимона любопытный взгляд, поправив при этом растрепанные пряди своих черных вьющихся волос.

Оказавшись в комнате для гостей, озаренной алыми лучами заходящего солнца, проливавшимися в узкие окна, Тимон сел на стул.

Обстановка в комнате была бедна, почти убога. На двери висела выцветшая занавесь. В центре стоял овальный обшарпанный стол. По углам виднелась густая паутина. Давно небеленные стены потемнели от копоти светильников, которые освещают дом в вечернее время. Единственным украшением этой комнаты был мозаичный пол, на котором из разноцветных

речных камешков были выложены атлетичные фигуры двух сражающихся гоплитов в полном вооружении.

– Скоро совсем стемнеет, – заметил Эвридам, усаживаясь на другой стул напротив гостя. – Ты можешь опоздать к обеду в дом сисситий.

Тимон сразу уловил намек Эвридама, мол, гость может в двух словах объяснить цель своего прихода и поспешить на обед, дабы у него не было неприятностей из-за опоздания. Эвридам не обидится на Тимона за это.

Тимон промолвил, глядя в лицо Эвридаму:

– Не беспокойся, друг мой. Я предупредил своих сотрапезников, что сегодня вечером меня не будет на общем застолье. Я сказал им, что государственные дела для меня важнее желудка. Мои сотрапезники отнеслись ко мне с пониманием. Хотелось бы, Эвридам, чтобы и ты выслушал меня с такой же гражданской ответственностью.

И без того сосредоточенное лицо Эвридама стало еще серьезнее.

– Я слушаю тебя, Тимон, – проговорил он, чуть подавшись вперед.

– Чтобы вновь стать полноправным спартиатом, друг мой, тебе нужно лишь жениться, – начал Тимон. – Я знаю, что женщины тебя сторонятся. Так вот, я хочу обсудить с тобой, какую из вдов ты согласен взять в жены. Со своей стороны я обещаю тебе устроить так, что выбранная тобой женщина не посмеет ответить отказом.

– Это и есть твое государственное дело? – с нескрываемым разочарованием произнес Эвридам.

– Друг мой, – с горделивым достоинством промолвил Тимон, – забота о каждом из сограждан есть первейшее дело любого спартиата, облеченного властью. Ведь защита отечества целиком ложится на плечи граждан. Ты славно послужил Спарте на полях сражений. Поэтому, Эвридам, твое ограничение в гражданских правах совершенно недопустимо. Вот почему я здесь.

Эвридам криво усмехнулся. Было видно, что благое намерение гостя скорее уязвляет его, нежели радует.

– Сдается мне, Тимон, что ты вещаешь чужими устами! – Эвридам откинулся на спинку стула. – Тебя небось эфоры обяжали пожаловать ко мне, вот ты и стараешься!

Уловив перемену в настроении Эвридама, Тимон как ни в чем не бывало предложил:

– Может, перекусим чего-нибудь? Я что-то проголодался. Полагаю, твоя рабыня уже приготовила обед. За едой и продолжим наш разговор.

Эвридам не стал возражать. Он молча встал и удалился в поварню.

Вскоре Эвридам вернулся в гостиную вместе с рабыней, которая несла на подносе румяные ячменные лепешки, нарезанный козий сыр, соленые оливки и две глиняные тарелки с горячим чечевичным супом.

От запаха свежей еды у Тимона потекли слюнки и засосало под ложечкой.

– Похоже, дружище, твоя рабыня умеет недурно готовить! – с довольной улыбкой сказал он.

– Поверь, она прекрасно справляется не только с этим делом, – ухмыльнулся Эвридам и похлопал рабыню, выставлявшую яства с подноса на стол, по округлому задку.

Молодая женщина слегка покраснела. В то же время она не могла скрыть того, что ей приятен такой отзыв о ней ее господина.

– Пардалиска, – бросил Эвридам рабыне, направлявшейся обратно в поварню, – принеси воды и полотенце.

Пардалиска принесла небольшой медный таз с водой и приблизилась к Эвридаму, но тот кивком головы указал ей на гостя. Рабыня, обойдя стол, подошла к Тимону, держа таз обеими руками. На плече у нее висело льняное полотенце.

Наскоро ополоснув руки, Тимон с жадностью принялся за еду. Краем глаза он заметил, что Эвридам, перед тем как вытереть руки полотенцем, игриво смахнул с кончиков пальцев несколько капель прямо в лицо Пардалиске. Это лишний раз подтверждало то, что Эвридам вовсе не тяготится своей участью вдовца.

– Если твоя рабыня родит от тебя сына, то у него не будет гражданских прав, – как бы между прочим заметил Тимон после того, как Пардалиска удалилась.

– Как ты догадался, что Пардалиска беременна? – удивился Эвридам. – Она всего-то на втором месяце.

– Я и не думал об этом, – Тимон пожал плечами. – Я просто предупредил тебя, что твой сын от рабыни не сможет стать полноправным спартиатом. Только и всего.

– Мне это известно, – мрачно буркнул Эвридам, отправляя в рот ложку с супом.

– И еще, друг мой, мне жаль, что твои ласки и твоё семя достаются какой-то рабыне, а не спартанке, способной родить крепких и таких нужных Лакедемону детей. – Тимон с печальным вздохом отломил от лепешки большой кусок. – Это меня сильно огорчает. И не только меня.

– Значит, ты все-таки пришел ко мне по поручению эфоров! – проворчал Эвридам. – Как видно, кому-то из них не спится спокойно при мысли, что мой сон беззаботен и крепок.

– Не злись, друг мой, – сказал Тимон, жуя лепешку. – Разве плохо, что эфоры вспомнили о тебе?

– Что же эфоры не позаботились обо мне четыре года тому назад? – сердито проговорил Эвридам. – Тогда от меня все отвернулись! И вдруг – такая милость от Эгидов и Тиндаридов! Мне это непонятно, клянусь Зевсом.

– Да брось ты в самом деле! – с легким раздражением обронил Тимон. – Сам ведь знаешь, что спартанская знать невзлюбила тебя за твою дружбу с царем Клеоменом. Клеомен едва не осуществил переворот в Спарте, столкнув лбами знать и народ, а ты был на стороне царя. Когда Клеомен умер...

– Выражайся точнее, – перебил Тимона Эвридам. – Клеомена подло убили те же Эгиды, Тиндариды и Пелопиды. Они обманом завлекли Клеомена в ловушку и расправились с ним! Как это на них похоже – одолевая силу низостью и коварством!

– Так вот, – невозмутимо продолжил Тимон, – со смертью Клеомена изменилось и отношение знатных граждан к тебе, друг мой. Не сразу, конечно. Знать хотела посмотреть, как ты поведешь себя, оставшись без своего могучего покровителя. И хвала богам, что ты повел себя благоразумно, не кинулся мстить за Клеомена, как некоторые из его любимцев. Кстати, где они теперь?

– Одни в изгнании, другие мертвы, – хмуро ответил Эвридам.

– То-то! – Тимон с важностью поднял кверху указательный палец. – Гражданские распри до добра не доводят. Хорошо, друг мой, что твоё благоразумие оказалось сильнее чувства мести.

Под конец трапезы Эвридам выпил много вина, отчего обрел благодушное настроение. Он больше не пытался язвить и попрекать своего собеседника его запоздалым благородством, не изливал свою неприязнь на высшую спартанскую знать, которая невзлюбила царя Клеомена за его намерение урезать привилегии спартиатов.

Оказалось, что Эвридам давно обратил внимание на рыжеволосую Меланфо, подругу красавицы Астидамии.

– Я знаю, у этой рыжей бестии привередливый нрав, сговорить ее выйти за меня замуж дело очень непростое, – сказал Эвридам.

– Ты сделал прекрасный выбор, дружище. – Тимон ободряюще улыбнулся Эвридаму. – Остальное – моя забота. Верь мне, Меланфо станет твоей женой.

* * *

Леарх не стал дожидаться полуночи. Он пришел к дому сестры, едва погасли последние отблески заката.

Высокие кипарисы возле каменной изгороди гнулись под напором сильного южного ветра. По темному небу, заслоняя звезды, плыли огромные тяжелые тучи.

В тишине ночи было слышно, как в домах тут и там со стуком закрываются деревянные оконные ставни. Надвигалась непогода, и ее приближение окутывало смутной тревогой большой город, раскинувшийся на холмах в излучине двух рек – Эвроты и Тиасы.

Леарх постучал в дверь условным стуком. Подождав немного, он стал колотить кулаком уже сильнее, решив, что Дафна крепко спит.

Наконец дверь открылась.

На пороге стояла Дафна в очень коротком хитоне, ее голова была обмотана полотенцем.

– Чего пришел так рано? – не приветливо бросила Дафна, переступая босыми ногами на холодном каменном полу.

– Я подумал... – Леарх запнулся, не зная, как продолжить.

– Ладно, входи! – посторонившись, сказала Дафна.

Леарх вошел в дом.

– Она еще не пришла, – сообщила Дафна брату, пройдя вместе с ним в центральную комнату с очагом. – Ты побудь здесь, а мне надо успеть домыться.

Леарх шутливо шлепнул сестру пониже спины, заметив при этом, что если у таинственной незнакомки эта часть тела столь же прелестна, как у Дафны, то, значит, он не зря пришел сюда.

– Могу тебя обрадовать, братец. С этой частью тела у моей подруги все в порядке, – промолвила Дафна, удаляясь в купальню. – Только не вздумай при первой же встрече с ней давать волю рукам. Эта женщина не выносит грубых мужчин.

– Ты, случаем, не богиню Артемиду пригласила в гости? – усмехнулся Леарх.

– Почти угадал, – ответила Дафна и скрылась за дверной занавеской.

Последняя фраза сестры произвела на Леарха двойное впечатление. С одной стороны, ему льстило то, что некая знатная богоподобная женщина возжелала, чтобы он стал ее возлюбленным. Вместе с тем в Леархе вдруг поселилось какое-то непонятное беспокойство. Словно кто-то невидимый шепнул ему на ухо, что встреча с этой незнакомкой внесет разительные перемены в его жизнь. У Леарха даже мелькнула мысль, а не уйти ли домой?

И только боязнь стать посмешищем в глазах сестры и еще сильное желание увидеть таинственную незнакомку удержали Леарха от этого шага. Томимый ожиданием и внутренним волнением, Леарх обошел все помещения дома и вновь вернулся в мужской мегарон.

Дафна вышла из купальни с распущенными по плечам влажными растрепанными волосами. На ней была длинная линостолия с разрезами на бедрах.

Леарх спросил у сестры, куда она спроводила своих служанок.

– А ты уже все проверил! – усмехнулась Дафна. – Я отправила их к одной своей подруге. У нее семейное торжество, а повараха заболела, пусть-ка мои служанки потрутся на славу. Они ведь у меня обе мастерицы в приготовлении яств. А нам здесь лишние глаза и уши ни к чему.

– Мне приятно, что ты так заботишься обо мне, сестричка. – Леарх погладил Дафну по обнаженной руке.

– Не о тебе, а о ней, – многозначительно произнесла Дафна.

– Ах вот как! – Леарх изумленно повел бровью. – Я заинтригован, сестра! Теперь ты можешь назвать имя этой женщины?

– Не могу.

– Почему?

– Она может передумать и не прийти. Я же из-за твоего любопытства не хочу прослыть излишне болтливой.

– Ну, вот что, сестра, – заявил Леарх, – долго ждать я не намерен. Жду еще полчаса и ухожу. Где у тебя клепсида?

– Не задирай нос, братец, – сказала Дафна. – Лучше помоги развести огонь в очаге. Похоже, ночь будет прохладная.

По черепичной кровле дома дробно застучали крупные дождевые капли.

Леарх принес из внутреннего дворика сухих дров.

Вскоре в очаге затрещало веселое пламя, пожиравшее смолистые сосновые поленья.

Брат и сестра уже собрались было чем-нибудь подкрепиться, но внезапно в дверь дома негромко постучали.

Леарх вздрогнул, замерев с поленом в руке.

– Она! – радостно выдохнула Дафна и поспешила в прихожую.

Леарх швырнул полено в огонь, одернул на себе хитон и уселся на стул, на котором только что сидела Дафна. Сердце его было готово выскочить из груди. Томимый догадками, Леарх старательно вслушивался в голоса приближающихся подруг. Голос Дафны явно заглушал негромкий мягкий говор ее поздней гостьи. Голоса звучат все ближе, все явственнее. Вот колыхнулась широкая дверная занавеска, и в мегарон вступила улыбающаяся Дафна. За нею следом вошла жена царя Леонида, Горго.

Увидев царицу, Леарх решил было, что ее появление здесь никак не связано с ним. Он подумал, что Горго просто пришла навестить Дафну, с которой она сблизилась с той поры, как Дафна вышла замуж. Дело в том, что супруг Дафны Сперхий и царь Леонид были давними друзьями.

Однако улыбка сестры и ее взгляд, обращенный к брату, говорили совсем о другом. Это привело Леарха в полнейшую растерянность. По этой причине произнесенное Леархом приветствие прозвучало, как плохо заученный урок.

Горго сделала вид, что не замечает смущение и волнение Леарха. Ей было приятно, что юноша-олимпионик, сполна вкусивший почестей от властей, встречает ее без всякого зазнайства, с нескрываемой робостью и почтением.

– Здравствуй, Леарх! – сказала Горго, сбросив с головы намокшее под дождем покрывало. – К сожалению, на меня пролились слезы с небес. Ничего, что я пришла чуть раньше условленного срока? – Горго повернулась к Дафне: – Это из-за непогоды. Я хотела добежать до твоего дома в сухом виде, но все же угодила под дождь.

– Ты же знаешь, я всегда рада тебя видеть, – промолвила Дафна, обняв Горго за талию. – Садись к очагу, обсушись. Сейчас я принесу вино и фрукты.

Леарх придвинул стул царице.

– Подбрось-ка еще дров в очаг, – велела брату Дафна.

Леарх отправился во внутренний дворик за новой охапкой сухих поленьев.

Дафна выскочила следом за ним.

– Мне не нравится, как ты держишься, Леарх, – недовольно проговорила она, дернув брата за хитон. – Что с тобой? Встряхнись! Будь смелее!

– Если б я знал, что мне предстоит встреча с Горго, то ни за что не пришел бы сюда! – огрызнулся Леарх.

– Как ты труслив, братец! – скривилась Дафна. – Пойми, царица такая же женщина.

– У этой женщины есть супруг, и не кто-нибудь, а царь Леонид! – рявкнул Леарх прямо в лицо Дафне. – Если до Леонида дойдет, что я посягаю на его жену, знаешь, что со мной будет! Знаешь?..

– Не думала я, что ты так малодушен, Леарх, – разочарованно промолвила Дафна. – Тебе улыбнулась такая удача, а ты трясешься, как заяц! Если хочешь знать, братец, Горго по уши в тебя влюблена, а Леонид ей безразличен. Ведь Горго выдали замуж за Леонида против ее воли.

Леарх мрачно молчал, глядя на дождевые струи, стекающие с покатой крыши портика на мощенный плитами двор.

– Смелее, братец! – Дафна взяла Леарха за руку. – Леонида еще долго не будет в Спарте, поэтому нечего беспокоиться раньше времени. Умоляю, не огорчай Горго своим отказом. Она такая милая и добрая! Ей так плохо живется с Леонидом. Прояви же сострадание!

– Хорошо, – выдавил из себя Леарх, хмуря брови. – Я согласен быть любовником Горго, но только до возвращения Леонида в Спарту. Так и скажи об этом царице. Только не сегодня скажи, а как-нибудь при случае, – смущенно добавил Леарх.

– Ты прелесть! – Дафна чмокнула Леарха в щеку.

Затем Дафна поспешила в подвал за вином. Леарх же направился к дровам, сваленным в углу двора под навесом. В глубине души он сожалел, что не ушел домой, хотя внутренний голос толкал его к этому.

Глава вторая

Меланфо

В облике Горго не было ничего отталкивающего, скорее наоборот. Она была безупречно сложена, все линии ее тела были приятны для мужского глаза. У нее была гибкая шея, маленькие уши, округлый, чуть выпуклый подбородок и красиво очерченные губы, словно Природа, сотворяя эти уста, желала дать образчик совершенства всем ценителям женской красоты. То же самое можно было сказать про глаза Горго, большие и томные, разрез которых и белизна глазных яблок напоминали глаза большерогих критских коров. Недаром за Горго еще с детских лет закрепилось прозвище Волоокая. Брови Горго имели плавный изгиб, но из-за густоты этих бровей взгляд ее порой казался излишне пристальным. К тому же у Горго имелась привычка, размышляя над чем-нибудь, хмурить брови, отчего на ее лице часто появлялось выражение замкнутости.

Глазами и губами Горго уродилась в мать, которая блистала красотой в любую пору своей жизни. От матери же Горго достались выющиеся черные волосы такие густые, что никакие заколки не могли удержать ее пышные локоны в том положении, в каком надлежало по стилю прически. Потому-то Горго не носила излишне вычурные прически и зачастую просто стягивала волосы длинной лентой на затылке или прятала их под калафом. Этот головной убор был необходимым атрибутом для многих знатных спартанок.

От отца, царя Клеомена, Горго достался прямой, немного тяжелый нос, который, впрочем, соответствовал ее твердому нраву. Этот нрав Горго тоже унаследовала от отца.

Горго с юных лет выделялась среди своих сверстниц тем, что рано перестала играть в куклы. Горго раньше многих своих подруг научилась читать и писать, уже в девять лет задумчивая дочь царя предпочитала играм чтение героических поэм Гомера или мифических сказаний Гесиода. Когда умерла мать Горго, то воспитанием шестнадцатилетней царской дочери занялась Гегесо, родная тетка Горго. Царь Клеомен не противился этому, поскольку питал самые добрые чувства к родной сестре своей жены. Гегесо увлекалась поэзией Сафо. От нее тягу к чувственным стихам лесбосской поэтессы унаследовала и Горго.

Клеомен прочил в мужа своей дочери Леотихида, сына Менара, из царского рода Эврипontiдов. Леотихид занял трон Эврипontiдов, сместив с него Демарата, сына Аристона, благодаря поддержке Клеомена. Позднее выяснилось, что Клеомен, подкупив нужных людей, оболгал Демарата, назвав того незаконнорожденным. Тем не менее Леотихид остался на троне Эврипontiдов, поскольку Демарат бежал к персам и не собирался возвращаться.

Вражда между Клеоменом и Демаратом была давняя. Этим двоим честолюбцам было тесно в Спарте, они мешали друг другу. Если честолюбие Демарата выражалось в том, что он стремился побеждать не только на полях сражений, но и на общегреческих состязаниях в Олимпии, то Клеоменом двигало жгучее желание одному царствовать в Спарте. Демарат прославил Лакедемон, одержав победу в ристании колесниц на Олимпийских играх. Клеомен вел бесконечные войны с соседними греческими государствами в надежде, что спартанское войско проникнется к нему такой преданностью, какой не добивался в прошлом никто из спартанских царей. Опираясь на войско, Клеомен надеялся совершить в Спарте государственный переворот, низвергнув владычество эфоров.

Однако расчет Клеомена не оправдался. Войско не пошло за ним, когда он попытался ограничить власть эфоров. Клеомен бежал к фессалийцам, которые дали ему конное войско. В Фессалии у Клеомена было много друзей из числа тамошней знати. Кроме фессалийцев, к Клеомену присоединились фтиотийские ахейцы, опунтские локры, мегарцы и кое-кто из аркадян. С большим воинством Клеомен подступил к границам Лаконики.

Спартанская знать пребывала в смятении, поскольку в Спарте не было ни одного военачальника, способного на равных противостоять Клеомену. Как всегда, нашлись люди, в основном это были тайные сторонники Клеомена, которые заявляли во всеуслышание, что Клеомен не требует для себя каких-то особых привилегий, но желает возврата к тем временам, когда в Лакедемонии правили цари и старейшины, а коллегия эфоров занималась лишь гаданиями по звездам.

Знатные спартиаты решили уступить Клеомену, не доводя дело до сражения, ибо сомнений в том, что Клеомен выйдет победителем, не было ни у кого. За всю свою жизнь Клеомен ни разу не был побежден на поле битвы.

Впрочем, добившись своего, Клеомен недолго торжествовал.

Спартанцы, приговоренные Клеоменом к изгнанию, составили заговор. Заговорщики действовали быстро и дерзко. Они напали на Клеомена и его приближенных прямо в здании герусии, где те праздновали свою победу. Все друзья Клеомена были перебиты. Клеомену удалось вырваться, но от полученных ран он вскоре скончался. Собранное Клеоменом войско разошлось по домам.

Эфоры и старейшины посадили на трон Агиадов Леонида, сводного брата Клеомена. Горго стала женой Леонида, которого эфоры принудили развестись с первой супругой. Брак дяди и племянницы мог показаться в глазах эллинов кровосмесительным. Однако спартанские власти исходили из того, что Леонид и его младший брат Клеомброт доводились Клеомену не родными братьями. Отец у них был один, а матери разные.

* * *

После первой встречи с Горго в доме Дафны Леарх был сам не свой. В ту дождливую ночь голова Леарха напрочь отказывалась соображать. Если бы не Дафна, умело втянувшая брата в беседу, то у Горго вполне могло сложиться впечатление о невысоких умственных способностях Леарха. Выпив вина, Леарх почувствовал себя смелее. Он даже сумел рассмешить сестру и Горго, рассказывая им забавные случаи, произошедшие с некоторыми из атлетов на Олимпийских играх.

От выпитого вина и перенесенного волнения Леарх, придя домой под утро, заснул как убитый.

Утром в Леархе разыграло его самодовольство. Он ведь и не пытался соблазнять Горго. Она сама открылась ему в своих чувствах.

«Надо признать, Горго весьма недурна внешне, – размышлял Леарх, нежась в постели. – У нее густые красивые волосы, дивные глаза! И попка у Горго ничуть не хуже, чем у Дафны. Да и грудь тоже!»

Леарха немного смущал и настораживал взгляд Горго. В ее больших темно-синих очах сквозила непреклонная воля. Вряд ли Горго станет покорной игрушкой в руках мужчины.

«Любовь заставляет женщину быть податливой, – успокаивал себя Леарх. – Судя по всему, Горго очень сильно увлечена мною!»

Следующая встреча Леарха с Горго должна была состояться завтра вечером. И опять в доме Дафны.

Из всех материнских подруг Леарху более всего была по душе рыжеволосая Меланфо. В свои тридцать семь лет Меланфо порой вела себя, как семнадцатилетняя девушка. Она имела некую врожденную молодость души. С Меланфо всегда было интересно общаться не только Леарху, но и Дафне, которая кое-что утаивала от своей строгой матери, но не имела тайн от Меланфо.

В это утро Меланфо пришла к Астидамии, чтобы пожаловаться ей на гармосина Тимона, который поступил с нею очень некрасиво.

– Вчера негодяй Тимон пригласил меня в храм Геры, – молвила Меланфо Астидамии, не догадываясь, что притаившийся за дверной занавеской Леарх подслушивает их беседу. – Я-то полагала, что Тимон намерен включить меня в число тех женщин, которые в канун Нового года будут наряжать статую богини в праздничный пеплос, ведь это происходит по договоренности со жрецами. В храме Геры в присутствии жрецов Тимон вручил мне навощенную табличку, велел прочитать вслух написанное на ней. Я, глупая, взяла и прочитала. А там было написано: «Клянусь Герой, я выйду замуж за спартанца Эвридама, сына Аристомаха».

У Астидамии невольно вырвался возглас изумления.

– И впрямь, Тимон поступил очень коварно, – сказала она. – Хитрец заставил тебя произнести клятву в храме Геры, да еще при жрецах! Я сочувствую тебе, Меланфо.

– Я пыталась убедить жрецов не воспринимать мою клятву всерьез или помочь мне избавиться от данного обещания, не оскорбляя при этом Геру, – продолжала жаловаться Меланфо, – но жрецы не стали меня слушать.

– Тимон наверняка подкупил жрецов, – заметила Астидамия. – Не ожидала я от него такого!

– Теперь мне придется выйти замуж за Эвридама, за этого страшного уroda! – в отчаянии простонала Меланфо. – Что же делать? Как мне избежать этого замужества?

Заглянув в узкую щель между краем тяжелой ткани и дверным косяком, Леарх увидел, что его мать, обняв за плечи расстроенную Меланфо, что-то тихонько шепчет ей на ухо. Леарх, как ни прислушивался, не смог разобрать слов матери. Меланфо же как будто чуть-чуть повеселела.

«Эвридаму крупно повезет, если Меланфо станет его женой, – подумал Леарх. – Будь я постарше лет эдак на пятнадцать, от Меланфо и я бы тогда не отказался!»

Познав сладость любовных утех, Леарх стал невольно подмечать во всех женщинах то сокровенное, что пробуждает в мужчинах плотские желания.

Первый супруг Меланфо умер от ран пять лет тому назад. У Меланфо имелись две дочери, которые недавно обе вышли замуж. Родня Меланфо очень надеялась, что та выйдет замуж за своего деверя, тоже вдовца. Наверно, так и случилось бы, если бы мужнин брат не погиб в сражении с аргосцами.

Вторая встреча Леарха с царицей Горго произошла не ночью, а вечером.

Сумерки только-только окутали Спарту. Было очень тепло и безветренно. Скрывшееся за горами солнце окрасило небосклон на западе розоватым сиянием.

Горго, Дафна и Леарх расположились во внутреннем дворе. Сидя на стульях, они любовались закатным небом и вели неторопливую беседу, перескакивая с одной темы на другую, но неизменно возвращаясь к Немейским играм, которые должны были состояться зимой. Дафна и Горго очень надеялись, что Леарх и на Немейских состязаниях получит венок победителя.

Горго расспрашивала Леарха о том, устраивают ли его приставленные к нему педономы, не испытывает ли он нужды в чем-либо. Леарх постоянно ловил себя на мысли, что материнские наставления о первенстве воспринимаются им как некий сыновний долг, не выполнить который он не имеет права. Горго же, не говоря возвышенных слов, в течение короткой беседы повлияла на Леарха таким образом, что не думать о своей победе в Немее он уже просто не мог. В Леархе вдруг проснулось такое сильное желание стать победителем на Немейских играх, словно от этого зависело существование Спарты!

«У Горго не только царственный взгляд, но и поистине божественный голос! – думал Леарх, придя домой и укладываясь спать. – Царица верит в меня! Значит, я и впрямь ей далеко не безразличен!»

Леарх погрузился в сон чрезвычайно довольный собой. Упоительное чувство собственной значимости, подкрепленное словами и взглядами Горго, вознесло Леарха в заоблачные выси, приблизив юного честолюбца к великолепным чертогам богов, певших ему восхититель-

ные дифирамбы. Среди прекрасных вечно юных богинь находилась и Горго, руководившая хором бессмертных обитателей Олимпа. Этот сон Леарха был похож на дивную сказку!

* * *

Вскоре стало известно, что не только Меланфо попала на изощренную хитрость гармосина Тимона, который таким образом пытался избежать грозившего ему штрафа. Еще три спартанки из того злополучного списка вдов старше тридцати были вынуждены готовить свадебные наряды.

Одна из этих вдов однажды увидела мужское имя, написанное углем на двери ее дома. Женщина стерла эту надпись. Однако это имя кто-то вновь нацарапал у нее на двери острием ножа. Женщина отправилась с жалобой к старейшинам, прося их выяснить, кто занимается порчей ее двери. Старейшины отправили вдову к Тимону, который заявил ей, что тут не обошлось без вмешательства богов. Тимон привел спартанку к жрецам бога Гименея и в их присутствии принес в жертву белого барана. Каково же было изумление вдовы, когда на печени золотого животного оказалось отпечатано большими буквами то же самое мужское имя, какое было нацарапано на двери ее дома.

«Это знамение! – объявили жрецы удивленной женщине. – Тебе нужно выйти замуж за этого человека».

Вдове пришлось покориться, ибо противиться воле богов в те далекие времена никто не отваживался.

Другая вдова пострадала из-за своего любопытства.

Тимон с таинственным видом сообщил ей, что нашел искусного прорицателя, который может открыть будущее любого человека. Женщина загорелась желанием узнать, что ожидает ее в будущем. Тимон привел ее к прорицателю, куда-то на окраину Спарты. Прорицатель велел женщине, вошедшей к нему в дом, заглянуть сначала в одну комнату, завешанную белым пологом, потом – в другую, закрытую красной занавеской. В одной из комнат вдова увидела тело незнакомой женщины, лежащее на столе и обряженное для погребального костра. В другой комнате взору вдовы предстали три молодые девушки, две из которых наряжали третью в свадебный наряд.

Пораженная увиденным, вдова спросила у прорицателя, что это означает.

«Если в ближайшее время ты не выйдешь замуж, то тебя ожидает смерть», – ответил прорицатель.

Испуганная вдова тут же заявила Тимону, что согласна выйти замуж за кого угодно.

Третья вдова отправилась с каким-то недугом к знакомому врачу. Вместо лечения врач вдруг занялся рассуждениями о том, что большинство женских недугов происходят от отсутствия мужского семени в женском организме. Вдова, настроенная резко против повторного замужества, обратилась к другому врачу, но и у того она услышала те же самые речи. Вдова посетила многих врачей в Спарте, все они твердили ей о том же самом. Все это походило на некий заговор. Вдова решила было махнуть рукой на свое недомогание. Однако вмешались ее замужние подруги, наговорившие ей такого про недопустимость полового воздержания, когда женский организм еще полон детородных сил, что напуганная вдова не стала противиться, когда Тимон предложил ей выйти замуж «за одного очень достойного гражданина».

Лакедемонянок, решившихся на повторный брак, обычно выдавали замуж всех разом в один из осенних дней. Событие это называлось Вдовьим праздником. Считалось, что на фоне общей радости те пары, что сошлись не по любви, невольно проникнутся радостным настроением, видя счастливые лица тех, кто вступал в брак по взаимному чувству. Эти коллективные свадьбы в конце года являлись своеобразным отчетом гармосинов перед высшими властями.

За день или два до Вдовьего праздника женщины, решившие покончить со своим одиночеством, собирались на пирушку, куда не допускались мужчины и замужние спартанки. В каждом квартале Спарты собиралась своя женская компания. На этих пиршествах происходило что-то вроде прощания женщин со своей вдовьей участью. Такие пирушки обычно затягивались допоздна и завершались одним и тем же священным ритуалом. Вдовы посреди ночи отправлялись в Месою, к святилищу Артемиды Илитии. Там они обнаженными исполняли оргастический танец, после чего каждая из участниц этого действия приносила в дар богине прядь своих волос.

В тот вечер такая вдовья пирушка состоялась в доме Астидамии.

В центре этого застолья находились Меланфо и еще две подруги Астидамии, которых через два дня ожидало свадебное торжество. Астидамия и те спартанки, которым предстояло вдовствовать и дальше, на все лады расхваливали женихов своих подруг, не забывая нахваливать и их самих за намерение покончить со вдовьей долей. Так полагалось по обычаю. Больше всего похвал и пожеланий счастья досталось Меланфо, так как ее подругам было известно, что ей достался в женихи человек далеко не самой приятной внешности.

Меланфо старалась выглядеть веселой, но у нее это плохо получалось. Дабы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, Меланфо пила вино чашу за чашей, благо в такой день не было никаких запретов. Когда женщины поднялись из-за стола, чтобы идти к храму Артемиды, Меланфо была в таком хмелю, что еле держалась на ногах.

Распевая веселые и не очень пристойные песни, вдовы со всей Спарты шли в эту ночь в Месою. Там, на невысоком холме, окруженном дубами и буками, стоял древний храм из потемневшего мрамора. Этот храм помнил еще те времена, когда первые спартанские цари только начали завоевание Лаконики. О глубокой древности этого святилища говорила и статуя Артемиды Илитии. Статуя была изготовлена из цельного бревна при помощи одного топора. Лицо деревянной богини имело грубые отталкивающие черты. У статуи не было рук, зато имелись две пары груди и огромный детородный орган, представляющий собой большую дыру, которую жрицы регулярно смазывали медом и оливковым маслом.

Помимо всего прочего, Артемиды Илитии считалась покровительницей рожениц.

Когда дорийцы пришли с севера на эти земли, то у здешних ахейских племен богиня Илития являлась заступницей девушек и замужних женщин, а также покровительницей дикой природы. Дорийцы, принявшие в свою среду ахейскую знать, приняли в свой пантеон и некоторых ахейских богов, узрев в них сходство с богами своего племени. Так дорийская Артемиды соединилась своей ипостасью с ахейской Илитией, образовав с нею одно божество.

После обряда в святилище Артемиды Илитии Астидамия привела Меланфо к себе домой и уложила спать. Самой Астидамии не спалось. Подступившая печаль терзала ее. Вот повыходят замуж все ее вдовствующие подруги, и останется она одна незамужняя. Но как ей заставить сердце вновь вспылать любовью к кому-нибудь? Как ей вытеснить из памяти образ любимого мужа, безвременно покинувшего этот мир?

Утро нового дня Меланфо встретила с печальным сердцем. Вчерашнее пьяное веселье теперь показалось Меланфо каким-то жалким фарсом, в котором ей пришлось участвовать по вине хитрого гармосина Тимона. У Меланфо было такое чувство, что она оказалась во власти злого рока. Ее переполняла злость против гармосинов, старейшин и эфоров. Забота государственных мужей о личных судьбах спартанок казалась Меланфо тоже неким показным фарсом.

«Если бы женщины в Спарте имели доступ к высшей власти, тогда и вдов у нас было бы намного меньше, – сердито думала Меланфо. – Женщины не стали бы затевать бессмысленные войны с соседними государствами, поскольку всякая война отнимает у спартанок мужей, сыновей, отцов и братьев!»

Меланфо не стала будить спящую крепким сном Астидамию. Она тихонько оделась и вышла из спальни.

Борясь с непреодолимой зевотой, Меланфо вышла во внутренний дворик. Там она увидела Леарха, который, обнажившись до пояса, умывался дождевой водой, зачерпывая ее пригоршнями из большого глиняного пифоса.

Меланфо невольно загляделась на гибкий мускулистый торс юноши, загорелая кожа которого блестела в лучах утреннего солнца, покрытая множеством мелких капель. Леарх стоял спиной к Меланфо, поэтому он не заметил ее появление. Тесемки хитона, спущенного с плеч, свешивались до самых его колен.

Леарх слегка вздрогнул, ощутив на своей спине легкое прикосновение чьей-то руки. Он обернулся, полагая, что это мать. Увидев Меланфо, Леарх смутился, но не от ее прикосновения, а от взгляда, каким она на него смотрела, чуть улыбаясь. Вот руки Меланфо мягко легли к Леарху на плечи.

– Какой ты красивый, Леарх! – томно прошептала Меланфо, слегка прижимаясь к юноше. – Ты просто вылитый Аполлон! Давай поцелуемся, мой мальчик.

Леарх, завороченный этим шепотом и зовущим взглядом Меланфо, не стал сопротивляться.

Едва уста Меланфо соединились с губами Леарха, как дремавшая в ней страсть разом вспыхнула ярким пламенем. Не почувствовать этого Леарх не мог. В нем самом разыгрался зов плоти.

Леарх схватил Меланфо за руку и увлек ее за собой. Затащив Меланфо в свою спальню, Леарх стал задира́ть на ней пеплос. Меланфо быстро разделась и сняла хитон с Леарха, всем своим видом говоря, что она жаждет соития.

Они повалились на постель и вновь соединили свои уста в долгом сладостном поцелуе, их нагие тела сплелись воедино. Меланфо отдавалась Леарху с таким диким неистовством, словно это было последнее наслаждение в ее жизни. Она едва не лишилась чувств от захвативших ее сладострастных ощущений. Неожиданно все закончилось так, будто песню оборвали на полуслове.

Леарх поднялся с постели и стал натягивать на себя хитон.

– Что случилось? – спросила Меланфо, приподнявшись на ложе. – Что-то не так? Скажи!

– Боюсь, сюда может кто-нибудь заглянуть, – ответил Леарх. – На этой двери нет запора. Извини!

Меланфо нехотя встала с ложа и оделась. Собираясь уходить, она заглянула в глаза сыну Астидамии.

– Приходи ко мне домой сегодня после полудня, – тихо промолвила Меланфо. – Придешь?

– Прилечу на крыльях! – так же тихо произнес Леарх.

Охваченные одним нестерпимым желанием, они еще раз обнялись и поцеловались.

* * *

Дом Меланфо был гораздо меньше, чем дом Астидамии. Этот дом достался Меланфо от отца после того, как пал в сражении с аркадянами ее старший брат и она стала единственной наследницей у своего родителя. Выйдя замуж, Меланфо переехала в дом мужа, а когда овдовела, то вернулась в отцовский дом, поскольку жилище ее умершего супруга прибрала к рукам алчная мужнина родня. В ту пору родителей Меланфо уже не было в живых. А вскоре и подросшие дочери Меланфо вышли замуж. Теперь Меланфо жила в отцовском доме совсем одна, если не считать глухую на одно ухо служанку, доставшуюся ей от умерших родителей.

Меланфо понимала, что объята непристойной страстью к сыну своей подруги. Ей, конечно, следовало бы убить в себе это чувство. Она должна сторониться этого юноши, к которому ее так влечет. Но тут же в голове Меланфо возникала мысль: «Жизнь дана, чтобы жить!

Жизнь дана для любви, для счастья! Чем еще заниматься спартанкам, если нам законом запрещены всяческие рукоделия и умственные занятия!»

Близок тот день, когда Меланфо поневоле придется делить ложе с супругом с отвратительной внешностью. Так пусть ее нынешние ласки с Леархом станут для Меланфо чем-то вроде возмещения или дара богов, покровителей женщин.

Старая служанка, повинаясь Меланфо, прибралась в доме и ушла на агору, чтобы купить свежих фиг, вина и меда.

В ожидании Леарха Меланфо уложила свои рыжие волосы в красивую прическу, оделась понаряднее, обработала ногти маленькой медной пилочкой. При этом внутренний голос неустанно твердил Меланфо о недопустимости затеянного ею, ведь Леарх годится ей в сыновья! Эта мысль преследовала Меланфо, заливая краской ее щеки, когда она гляделась в круглое бронзовое зеркало на тонкой ручке.

Услышав уверенные мужские шаги возле своего дома, Меланфо выглянула в окно.

По узкой улице торопливо шел Леарх. Его золотистые кудри растрепались от быстрой ходьбы.

Замерев, Меланфо ожидала стука в дверь.

Этот негромкий настойчивый стук радостным эхом отозвался у нее в сердце!

Вот и он! Милое прелестное лицо, длинные выющиеся волосы и эта застенчивая серьезность в его обворожительных синих глазах!

Леарх хотел было сразу же запереть дверь на засов. Меланфо остановила его, сказав, что ее служанка должна вот-вот вернуться с агоры.

– А то мне совсем нечем тебя угостить, – смущенно добавила Меланфо.

– Разве я пришел сюда за этим? – промолвил Леарх, нетерпеливо привлек к себе Меланфо и поцеловал.

Стыдливость Меланфо мигом была побеждена всепоглощающей страстью, как и ее благоразумие, когда она вновь оказалась в постели с Леархом. Ложе в доме Меланфо было гораздо шире. Здесь перебивало немало случайных любовников Меланфо. Однако ни с кем из них Меланфо не было так хорошо, как с неутомимым Леархом.

Увлеченные друг другом, любовники не услышали, как старая служанка пришла с агоры. Их страстные соития чередовались с упоительными лобзаниями. Выносливость Леарха и опытность Меланфо породили столь крепкий любовный напиток, о каком эти двое могли только мечтать до этой встречи. Отведав его, они вознеслись на высочайший пик чувственных наслаждений.

Испытав целую череду непередаваемых сладостных волн, Меланфо вдруг разрыдалась. Это изумило и немного испугало Леарха, решившего, что он ненароком причинил боль своей прекрасной рыжеволосой любовнице.

– О Леарх! Ты – бог! Ты есть сам Эрос! – прошептала Меланфо с нескрываемым восхищением. Ее зеленовато-серые глаза полные слез сияли, как драгоценные изумруды. – Поклянись мне, что ты не бросишь меня, даже когда я выйду замуж за Эвридама!

Похвалы Меланфо наполнили Леарха гордостью. Он и впрямь, обладая Меланфо, чувствовал себя неким титаном! Никакая другая женщина не распаляла Леарха до такой степени, как это удалось Меланфо. Леарх без колебаний поклялся быть возлюбленным Меланфо и после ее предстоящего замужества.

Глава третья

Симонид Кеосский

Кто в Элладе в те времена не слышал про знаменитого поэта и песнетворца Симонида, сына Леопрепея! Кто из эллинов, считавших себя образованными людьми, не держал в памяти хотя бы пару отрывков из эпиникий, сочиненных Симонидом, или не знал наизусть несколько его звучных эпиграмм.

И вот прославленный Симонид наконец-то пожаловал в Спарту.

Был месяц апеллей по-спартанскому календарю. С этого месяца в Лакедемонe начинается новый год. В этом же месяце происходят выборы эфоров и прочих должностных лиц Спартанского государства.

Симонид приехал в Спарту, чтобы повидаться со своим давним другом. Тот перебрался на постоянное жительство в Лакедемон, хотя знал, с каким недоверием относятся спартанцы ко всем чужеземцам.

Друга Симонида звали Мегистием. Он был родом из Акарнании, маленькой гористой страны на северо-западе Греции, омываемой ласковыми водами Ионического моря.

Мегистий встретил Симонида с искренним изумлением и неподдельной радостью. Они не виделись без малого четыре года.

В свои семьдесят лет Симонид был необычайно подвижен, живость ума сочеталась в нем с телесной крепостью. Симонид имел неплохое телосложение, у него были густые волосы, которые он подкрашивал, чтобы скрыть седину. При этом у Симонида было совершенно несимпатичное лицо. Горбатый нос поэта слишком выдавался вперед, его большой рот был слегка перекошен. Особенно это было заметно, когда Симонид улыбался. Глаза Симонида находились слишком близко к переносице, это создавало эффект некоторого косоглазия. Свои большие, торчащие в стороны уши Симонид тщательно прикрывал длинными волосами. Речь Симонида не блистала правильностью. Он слегка пришепetyвал, и когда при волнении начинал говорить слишком быстро, то глотал окончания слов или бубнил что-то неразборчивое.

В отличие от Симонида, Мегистий при статном сложении имел правильные черты лица. У него был внимательный взгляд, а речь всегда текла неторопливо. И взгляд и голос Мегистия обладали неким завораживающим эффектом. Это испытали на себе все, кто близко общался с ним.

Мегистий был моложе Симонида на семь лет. Они познакомились случайно на Пифийских играх, где Симонид прославлял своими дифирамбами атлетов-победителей. Это случилось более тридцати лет назад.

Мегистий, который уже тогда был прорицателем, предсказал одному из атлетов скорую гибель в сражении от удара копьем. Поскольку дело происходило на дружеской пирушке, то все присутствующие отнеслись к предсказанию Мегистия кто с недоверием, кто с иронией. Находившийся там же Симонид скорее в шутку, чем всерьез, сочинил для того атлета надгробную эпитафию в высокопарном стиле.

Год спустя знаменитый атлет-панкратиец действительно сложил голову в битве за родной город. Сограждане похоронили его и установили на могиле плиту с эпитафией Симонида, сочиненной им на том роковом пиршестве.

Прознавший об этом Симонид разыскал Мегистия, который в ту пору жил в небольшом приморском городке Астакe. Тогда-то и завязалась дружба между прославленным поэтом и безвестным дотоле прорицателем.

Вскоре слава Мегистия как провидца необычайно возросла. Где бы он ни появлялся, его неизменно обступали люди, просившие предсказать судьбу им самим или их родственникам. К

Мегистию обращались за советом даже правители городов и предводители войск перед каким-нибудь трудным начинанием. И Мегистий ни разу не ошибся в своих предсказаниях.

Если Симонид много путешествовал, то Мегистий почти безвыездно жил со своей семьей в Астаке, служа толкователем снов при тамошнем храме Зевса Морфея. Со временем Мегистий перебрался в Эниады, самый большой город в Акарнании. Мегистий стал эксегетом при совете старейшин Эниад. Он должен был сопровождать все священные посольства акарнанцев в Дельфы и Олимпию.

Дом Мегистия в Эниадах был широко известен не только его согражданам, но и многим приезжавшим сюда эллинам из других государств Греции. Частым гостем Мегистия был и Симонид.

Незадолго до переезда из Эниад в Спарту у Мегистия умерла жена, поэтому многие его сограждане решили, что Мегистий таким способом пытается залечить душевную рану.

Симонид хоть и был в молодые годы падок на женщин, однако спутницей жизни так и не обзавелся.

Привязанность Мегистия к супруге, не отличавшейся ни умом, ни красотой, поначалу была непонятна Симониду, который полагал, что его друг достоин женщины более привлекательной, с более возвышенным строем мыслей. Но приглядевшись к жене Мегистия повнимательнее, Симонид вдруг понял, в чем ее прелесть. Эта женщина удивительным образом соответствовала складу характера Мегистия, который был сторонником постоянства во всем. Его никогда не бросало в крайности, в отличие от Симонида. Взбалмошная или легкомысленная женщина непременно нарушила бы душевное равновесие Мегистия.

Овдовевший Мегистий не пожелал жениться снова, хотя женщин, согласных соединить с ним свою судьбу, в Эниадах было немало. Мегистий объявил согражданам, что в его жизни наступает самый важный период, поэтому он уезжает в Лакедемон.

– Прошлым летом я побывал в Эниадах, где до сих пор идут разговоры о том, что акарнанцы лишились своего самого лучшего прорицателя, – рассказывал Симонид Мегистию за полуденной трапезой. – Скажу больше: акарнанцы полагают, что спартанцы просто переманили тебя к себе, друг мой. Кое-кто в Эниадах утверждает, что причина твоего отъезда в Спарту – это печаль по умершей жене. Ответь мне, Мегистий, кто из твоих сограждан прав?

– Не правы ни те ни другие, – после краткой паузы промолвил Мегистий. – Ты же знаешь, Симонид, что спартанцы и в прежние годы звали меня к себе. Я был дружен с царем Клеоменом и его братом Леонидом. Если бы мною двигала корысть, то я еще при жизни царя Клеомена мог бы уехать в Лакедемон. Однако я этого не сделал.

– Вот это-то мне и непонятно, Мегистий, – сказал Симонид. – Ты не поехал в Спарту, когда здесь правил Клеомен. Теперь же, когда Клеомена нет в живых, ты вдруг переезжаешь в Лакедемон, покупаешь здесь дом, добиваешься спартанского гражданства для себя и своего сына. Объясни мне, что побудило тебя к этому?

– Чтобы ответить на твой вопрос, Симонид, придется вернуться к тому времени, когда я случайно столкнулся в Дельфах с Леонидом, – проговорил Мегистий, выдержав еще более долгую паузу. – Клеомен в ту пору еще царствовал в Спарте. Спартанское посольство тогда делало запрос в храме Аполлона относительно каких-то предзнаменований. Смысл запроса сводился к тому, по праву ли занимает царский трон в Спарте Демарат, сын Аристона. С царем Демаратом у Клеомена была давняя вражда. Пифия ответила спартанским послам, что Демарат занимает трон не по праву. Впоследствии лишенный трона Демарат был вынужден бежать в Азию к персидскому царю.

Симонид на какое-то время забыл про кушанья на столе, внимая Мегистию.

– Но суть не в этом, – продолжил Мегистий, отпив вина из чаши. – Тогда же в Дельфах я гадал по внутренностям жертвенного животного, дабы узнать о грядущей судьбе Леонида, который сам попросил меня об этом. Леонид тяготился тем, что вынужден существовать в

тени своего могущественного старшего брата. Он желал знать, что ему уготовано Судьбой в будущем. Не знаю почему, но Леонид сразу пришелся мне по сердцу. Поэтому я и согласился открыть ему его будущее.

– Что же тебе открылось в судьбе Леонида после гадания по внутренностям жертвенного животного? – нетерпеливо спросил Симонид.

– Я узнал, что Леониду уготовано Судьбой стать спасителем Спарты и превзойти военной славой не только Клеомена, но и всех царей-агиадов и царей-эврипontiдов, правивших в Лакедемонe за все минувшие годы, – ответил Мегистий.

– Это что-то невероятное! – с сомнением в голосе произнес Симонид. – Клеомен за свою жизнь совершил столько победоносных походов, что Леониду потребуется лет десять непрерывных войн, чтобы хоть отчасти превзойти военной славой своего старшего брата. Я уже не говорю про тех спартанских царей, что правили в Лакедемонe до Клеомена. Леониду понадобится пять жизней, дабы затмить своими победами их славные деяния. Тут что-то не так, Мегистий. Не хочу тебя обидеть, но, боюсь, в этом прорицании ты явно что-то напутал.

– Ты уже не раз имел возможность убедиться, Симонид, что я никогда не ошибаюсь в своих прорицаниях, – спокойно промолвил Мегистий, отщипнув кусочек от ячменной лепешки. – Признаюсь, я сам был изумлен тем, что открылось мне по внутренностям жертвы. К тому же Леонид не столь честолюбив, в отличие от Клеомена. Леонид не похож на человека, смыслом жизни которого является война.

– Я же говорю, тут какая-то неувязка, друг мой, – заметил Симонид. – Если это не твоя ошибка, значит – ошибка божества.

– Остерегись молвить такое про Аполлона Пифийского! – предостерег друга Мегистий. – Вспомни тех людей, кто так или иначе прогневил Феба. Чем это для них закончилось!

– Ты же сам сказал, что Леонид не производит впечатление человека воинственного, – пожал плечами Симонид.

– Внешность и характер Леонида обманчивы, – сказал Мегистий. – Поверь мне, военное дело Леонид знает прекрасно!

– Охотно верю, – усмехнулся Симонид, – ведь Леонид родился и вырос в Спарте.

– Божество сообщило мне, что в царствование Леонида Лакедемону будет грозить смертельная опасность, – задумчиво проговорил Мегистий. – Такого не бывало в прошлом. Никогда еще не было случая, чтобы Спарте грозило полное уничтожение. Вот и получается, если Леонид победит этого грозного врага, то тем самым он не только спасет отечество, но и превзойдет славой всех спартанских царей, правивших в Лакедемонe до него. Улавливаешь, Симонид?

Симонид молча кивнул, но при этом его по-прежнему одолевали сомнения.

– Я вот думаю, какой враг может грозить Спарте полным уничтожением? – пробормотал он, почесав голову. – Такого врага в Элладе просто нет! Мессенцы давным-давно поработаны спартанцами. Аргос хоть и враждебен Спарте, однако для полной победы над спартанцами у него не хватит сил. Элейцы, аркадяне и коринфяне – давние союзники лакедемонян. То же самое можно сказать про мегарцев и эгинцев. Беотийцы никогда не отважатся воевать со Спартой. Локры, фокидяне, этолийцы и акарнанцы слишком слабы и разобщены, чтобы грозить Спарте войной. Есть еще фессалийцы, которые сильны своей конницей, но у них до вражды со Спартой никогда не доходило. К северу от Фессалии обитают полудикие племена, занятые непрерывной междоусобной враждой. До Спарты ли им?

Мегистий внимал Симониду, поглаживая свою аккуратно подстриженную бороду.

– Впрочем, в Элладе есть еще одно государство, стремительно набирающее мощь, – это Афины, – после краткой паузы продолжил Симонид. – В недалеком прошлом спартанцы дважды вторгались в Аттику. Неужели в ближайшем будущем афиняне попытаются разрушить Спарту? Если между афинянами и спартанцами вдруг вспыхнет война, то для меня это станет

худшим из бедствий. В Афинах у меня много друзей, а мой самый лучший друг отныне живет в Спарте.

– Я сам пребываю в неведении относительно того могущественного врага, над которым Леониду суждено одержать победу, – со вздохом произнес Мегистий.

– Нельзя ли спросить об этом у богов? – сказал Симонид с некоторой долей досады в голосе.

– Ты же знаешь, что оракулы богов зачастую туманны и двояки, – ответил Мегистий. – Потому-то и существует с незапамятных времен целый клан прорицателей при святилищах богов. Полной истины боги не открывают никогда. И знаешь почему, мой друг?

– Почему? – тут же откликнулся Симонид, жадный до всего таинственного и непонятного.

– Из боязни ошибиться. – По губам Мегистия промелькнула едва заметная усмешка.

– Разве боги могут ошибаться? – усомнился Симонид. – Ведь богам ведомы все мысли и судьбы людей.

– По общепринятому мнению, всевидение богов неоспоримо, – промолвил Мегистий, слегка сощутив свои большие пронизательные глаза, – но по существу, и у богов есть право на ошибку. Боги бессмертны, поэтому любая ошибка им ничего не будет стоить. А вот у людей, друг мой, права на ошибку зачастую нет, ибо всякий человек смертен. – Мегистий пригубил вино из чаши и добавил: – Вот и я не имею права ошибаться в своих предсказаниях.

– Стало быть, ты веришь в высокое предназначение судьбы царя Леонида, – сказал Симонид, как бы размышляя вслух и глядя на Мегистия. – Веришь, что Леонид станет спасителем Лакедемона. Так?

– Я знаю, что так и будет, – твердо произнес Мегистий.

– В таком случае я хочу увидеть этого человека, этого любимца Судьбы! – воскликнул Симонид. – Я уже сейчас горю желанием написать в честь Леонида свой самый лучший пеан. Мне еще не доводилось прославлять своими стихами и песнями никого из спартанских царей. И вдруг – такая удача!

– К сожалению, друг мой, сейчас Леонида нет в Спарте, – сказал Мегистий. – Леонид находится с войском на Крите. Там идет война, в которую спартанцы посчитали нужным вмешаться. Но как только царь Леонид возвратится в Спарту, то я непременно познакомлю тебя с ним, – с улыбкой добавил Мегистий.

– Буду ожидать этого момента с величайшим нетерпением! – промолвил Симонид и потянулся к чаше с вином. – Предлагаю выпить за царя Леонида! За его грядущую воинскую славу!

– И за блеск этой славы, который придадут ей твои прекрасные стихи, Симонид! – торжественно вставил Мегистий, желая сделать приятное своему другу-поэту.

Глава четвертая

Нравы лакедемонян

– Как долго ты намерен изображать из себя недотрогу, братец? – В голосе Дафны прозвучали одновременно издевка и раздражение. – Или ты ждешь, что Горго сама станет вешаться тебе на шею?

Леарх посмотрел на сестру с недоумением.

– Ты же сама говорила мне, чтобы я не давал волю рукам, – сказал он. – Ты сама предупреждала меня о том, что Горго не выносит грубости. Или ты забыла сказанное тобой?

– Ничего я не забыла! – огрызнулась Дафна и плотнее притворила дверь.

Леарх только что встал с постели. Он совсем не ожидал увидеть сестру в такую рань, да еще такую рассерженную.

– Что случилось, Дафна? – поинтересовался Леарх. – Объясни мне.

– В твои годы, братец, надо быть решительнее в общении с женщинами! – проговорила Дафна негромко, но с внутренним напряжением. – Ты что, не видишь, какие взгляды бросает на тебя Горго? Не замечаешь, как она печально вздыхает всякий раз, расставаясь с тобой? В таком случае, братец, ты слепец или глупец! Я велела тебе держаться скромно при первых встречах с Горго, чтобы у нее сложилось о тебе благоприятное впечатление. Ты же, как видно, решил, что любовное свидание – это что-то вроде беседы по душам. По-твоему, Горго желает встречаться с тобой, дабы внимать твоему остроумию. Так, что ли?

– Не кричи, – Леарх слегка дернул Дафну за руку, – а то мать услышит.

Дафна и впрямь разговаривала слишком громко, возмущение переполняло ее.

– Тебе Горго неприятна, что ли? – Дафна вперила в брата свой пристальный взгляд, уперев руки в бока. – Ты же сам восхищался ее талией, грудью, бедрами и волосами. Это было сразу после твоей первой встречи с Горго. Я надеялась, что ты в дальнейшем поведешь себя увереннее в общении с Горго, перейдешь к поцелуям... и так далее. Но ты, братец, так ни на что и не решился! Хотя я оставляла тебя наедине с Горго, а сама уходила во внутренний дворик.

– По-твоему, это просто – затащить царицу в постель! – сердито зашипел на сестру Леарх. – Думаешь, это легко – приставать к Горго с поцелуями!

– А что тут сложного? – Дафна пожалала плечами. – Горго такая же женщина, и она ждет от тебя ласк, а не болтовни!

– Не могу я так... – выдавил из себя Леарх, смущенный яростным напором сестры.

– Как так? – резко спросила Дафна.

– Вот так, сразу... – Леарх нервно заходил по комнате. – Надо, чтобы Горго привыкла ко мне, а я – к ней.

– Ты с ума сошел, братец! – рассердилась Дафна. – Куда еще тянуть?! Леонид вот-вот вернется в Спарту! Если сегодня же вечером ты не затащишь Горго в постель, то я не знаю, что с тобой сделаю, Леарх!

Тон сестры вогнал бедного Леарха в краску. Он втайне надеялся, что у него с Горго не дойдет до интимной близости и к моменту возвращения Леонида в Спарту эти тайные встречи с Горго так или иначе прекратятся. Леарх мог позволить себе лишь помечтать о том, как он целует и раздевает Горго, как переносит ее на ложе. На деле же, всякий раз встречаясь с царицей, Леарх робел от одного ее взгляда. Он не отваживался даже прикоснуться к Горго, не говоря уже о том, чтобы поцеловать ее. Благодаря частым тайным встречам с Меланфо кипение страсти в Леархе неизменно находило выход. С Меланфо Леарху было намного проще, несмотря на большую разницу в возрасте. Меланфо, не отвлекаясь на разговоры, всегда начинала раздеваться первой. По своей наивности Леарх полагал, что имеет полную власть над Меланфо, на самом же деле это Меланфо покорила его своей страстностью.

Меланфо жила теперь в доме Эвридама, а ее собственный дом стал для нее местом свиданий с Леархом.

Уходя, Дафна еще раз повторила Леарху, что нынче вечером Горго должна очутиться у него в объятиях.

– Я уже сообщила Горго, что ты переполнен вожделением к ней, – сказала Дафна. – Так что действуй, братец! И не вздумай отступить при виде наготы Горго!

Повинуясь строгому распорядку дня, установленному для него педономами, Леарх после легкого завтрака отправился на стадию. Наступила пора ежедневных тренировок. Грядущее свидание с Горго и то, что на этом свидании с царицей ему уже не отделаться дружеской беседой, выбивало Леарха из душевного равновесия.

Педономы остались недовольны тем результатом, какой показал Леарх в трех забегах на разные дистанции, хотя в пару с ним ставили не самых лучших бегунов.

– Время восстановления сил прошло, друг мой, но, как мы видим, это время не пошло тебе на пользу, – сказал Леарху старший педоном. – Уж не болен ли ты?

Леарх признался, что в последние три ночи плохо спал, не уточнив при этом, что виной тому были любовные утехы с Меланфо.

Однако старший педоном и сам обо всем догадался.

– Скажи своей подружке, друг мой, что до начала Немейских игр ей придется обойтись без твоих объятий, – строго произнес воспитатель, погрозив Леарху пальцем. – Иначе не видать тебе венка на Немейских играх.

В разговор вступили младшие педономы, которые советовали Леарху отказаться от всех излишеств, одновременно рассуждая о том, какие изменения нужно внести в тренировки Леарха, дабы он поскорее обрел прежнюю выносливость и скорость на дистанции. Педономы не скрывали от Леарха, что не только они, но и власти Лакедемона, и все спартанские граждане ожидают от него в Немее только победы.

– Это большая честь для тебя, друг мой, – молвил старший педоном, положив свою тяжелую руку Леарху на плечо. – Я знаю, ты достоин этой чести. Ты доказал это своей победой на Олимпийских играх.

«Знали бы вы, уважаемые, какой чести я удостоюсь сегодня вечером! – думал Леарх, вяло кивая на все замечания педономов. – Достоин ли я такой чести? Не уроню ли я себя в глазах Горго?»

* * *

Все прежние страхи вновь овладели Леархом в этот вечер. Его опять охватил волнительный трепет при виде Горго, такой красивой, что от нее было трудно отвести взгляд. Царица была одета в сиреневый пеплос. Ее гибкий стан был обвязан двумя поясами: один пояс был на талии, другой под грудью. Черные волосы Горго были уложены в прическу с завитыми локонами на лбу и на висках, с ниспадающим на спину пышным длинным хвостом.

От волнения у Леарха мысли путались в голове, беседа с царицей у него никак не клеилась. А тут еще Дафна, бросив фразу, мол, она здесь явно лишняя, удалилась из комнаты. Смутившийся Леарх и вовсе замолк. Ему казалось, что Горго не просто смотрит на него, но явно ожидает, когда же он приступит к тому, ради чего, собственно, и произошла эта встреча. Просто приблизиться к Горго и начать ее целовать казалось Леарху верхом бестактности. Придумать же некую словесную прелюдию Леарх был не в состоянии, ибо над ним довлела боязнь показаться царице смешным и неловким.

Затянувшуюся паузу нарушила Горго. Она вдруг сказала:

– Леарх, хочешь, я спою тебе?

Юноша ответил согласием, восхитившись в душе чуткостью и благородством царицы.

Горго взяла в руки небольшую арфу. С этим инструментом иногда баловалась Дафна, чтобы развеять скуку или подыграть поющим подругам во время какого-нибудь застолья.

До этого Леарх не слышал, как поет Горго, он даже не подозревал, что царица столь замечательно умеет играть на арфе.

Изумительная мелодия, родившаяся из звучания струн, пленила Леарха. Позабыв про свое смущение, Леарх внимал пению Горго, не сводя с нее своих зачарованных глаз. В этой песне говорилось о несчастной любви нимфы Номии к пастуху Дафнису, сыну бога Гермеса. Простая, в общем-то, история была изложена такими проникновенными стихами, положенными на музыку, что Леарх вдруг ощутил в себе прилив необычайной нежности к Горго.

Когда песня была допета Горго до конца, Леарх попросил ее спеть еще что-нибудь.

Горго улыбнулась, польщенная тем, что ее пение понравилось Леарху. Царица спела еще одну лирическую песню, потом еще одну...

Леарх был готов слушать ее бесконечно.

Томимая беспокойством Дафна, прогуливаясь во внутреннем дворике, сначала обрадовалась, услышав пение Горго. Дафна была уверена, что это тонкий ход царицы с целью воодушевить Леарха на смелые действия, ведь песня была о любви, пусть и несчастной. Но когда за первой песней Горго прозвучала другая, а затем третья, то в Дафне заговорила досада. Ей стало ясно, что пение Горго явно пришлось по душе Леарху, который не постеснялся попросить царицу исполнить что-нибудь еще, и та не посмела ему отказать в этом.

После третьей песни, исполненной Горго, наступила продолжительная пауза.

Дафна облегченно перевела дух и посмотрела на темные небеса, усыпанные мириадами звезд.

Ночь была полна шорохов опадающих листьев. Зима в этом году явно запаздывала.

Наконец, терпение Дафны иссякло. Она решительно направилась в дом.

«Если Леарх опять развлекает Горго пустой болтовней, позабыв о главном, то я просто надаю ему пощечин!» – мысленно сказала себе Дафна.

Войдя в женский мегарон, Дафна затаила дыхание, ее шаги стали легкими, почти бесшумными. Дафна кралась, как пантера к затаившимся в зарослях ланям. Тишина в женских покоях удивила и насторожила Дафну.

Вот и комната, где Дафна оставила брата наедине с царицей.

Оттуда не доносилось ни звука.

«Заснули они, что ли? – промелькнуло в голове у Дафны. – А может, их там уже нет?»

Осторожно отдернув входной полог, Дафна вступила в обширный покой, воздух в котором был нагрет раскаленными углями, насыпанными в большую бронзовую жаровню, стоящую на треноге. Стулья, на которых сидели Леарх и Горго, были пусты. На одном из стульев лежала арфа.

Дафна прошла в глубь комнаты и невольно замерла на месте.

Она увидела шевелящиеся силуэты двух обнаженных фигур на фоне белой занавески, за которой стояло ложе. Благодаря огоньку светильника расположившиеся на ложе Леарх и Горго были хорошо видны Дафне, находившейся в тени.

Царица и юноша сидели на постели и с упоением целовались. При этом их руки ласкали нагие тела друг друга.

От увиденного Дафну переполнила бурная радость.

«О Афродита, – подумала Дафна, пятясь к выходу, – благодарю тебя за то, что ты все же соединила на ложе любви моего брата и царицу Горго!»

* * *

Первую жену царя Леонида звали Мнесимахой. За пятнадцать лет супружества Мнесимаха родила Леониду двух сыновей и двух дочерей. Сыновья Леонида и Мнесимахи умерли еще малолетними, зато их дочери росли крепкими и необычайно красивыми. Старшей, Дориде, недавно исполнилось четырнадцать лет, младшей, Пенелопе, было тринадцать.

Леонид взял в жены Мнесимаху, повинаясь воле старшего брата, который желал породниться с древним спартанским родом Талфибиадов, из которого происходила Мнесимаха. Род Талфибиадов вел свое происхождение от легендарного Талфибия, глашатая Агамемнона. Всем мужчинам из этого рода было предоставлено право занимать должность государственных глашатаев.

Мнесимаха была хорошей женой Леониду. У них была очень дружная семья. Заняв царский трон Агиадов и принужденный эфорами взять в жены племянницу Горго, Леонид тяжело переживал свой развод с Мнесимахой. Однако не подчиниться эфорам Леонид не мог. Горго родила Леониду долгожданного сына. Тем не менее Леонид не был счастлив с нею. Сердце Леонида постоянно стремилось к Мнесимахе и дочерям, которые жили на соседней улице.

Мнесимаха так и не вышла замуж вторично, хотя эфоры и гармосины предлагали ей самой выбрать любого вдовца из числа знатных лакедемонян. Мнесимаха продолжала любить Леонида столь же сильно, как и Леонид любил ее.

Власти Спарты закрывали глаза на то, что Леонид, по сути дела, имеет две семьи. Ни для кого в Спарте не было тайной то, что Леонид чаще делит ложе с Мнесимахой, нежели с Горго. Дом Мнесимахи оставался родным для Леонида, в отличие от дома, где он жил с Горго.

Ни старейшины, ни эфоры не порицали Леонида за его сильную привязанность к Мнесимахе, понимая, что они могут властвовать над людьми силою данного им закона, но над людскими сердцами им властвовать не дано. Спартанская знать была признательна Леониду за его лояльность к правящим знатым родам, которые путем заговора расправились с его старшим братом. Леонид мог бы возмутить спартанское войско и жестоко отомстить за смерть Клеомена, но он не сделал этого, не желая ввергать Спарту в гражданскую смуту. Помня об этом, спартанская знать неизменно выказывала Леониду свое уважение и не чинила ему препятствий в его отношениях с Мнесимахой.

Спартанские власти выдали Горго замуж за Леонида лишь потому, что они прекрасно знали, какой сильной жаждой мести за подло погубленного отца пылает ее сердце. Если бы Горго стала женой Леотихида, с которым она была помолвлена, то можно было не сомневаться, что в скором времени слабохарактерный Леотихид стал бы послушным орудием в руках умной и властной дочери Клеомена. Кто знает, на какие крайности отважился бы Леотихид под влиянием мстительной Горго. На Леонида же чары Горго не действуют. Леонид всегда сначала думает, прежде чем что-то сказать или сделать.

Вернувшись с Крита, Леонид ненадолго заглянул к Горго, чтобы повидать своего трехлетнего сына. Затем Леонид отправился к Мнесимахе, сказав Горго, что не вернется до завтрашнего утра.

Проводив Леонида к Мнесимахе, Горго поспешила к Дафне.

– Разыщи Леарха и скажи ему, что я жду его у себя дома, как только стемнеет, – промолвила Горго, едва обменявшись с Дафной приветствиями.

Подруги стояли в полутемном коридоре, ведущем в мужской мегарон. Пройти дальше Горго не желала.

– А как же Леонид? – шепотом спросила Дафна.

– Леонид на всю ночь ушел к Мнесимахе, – так же тихо ответила Горго. – Скажи Леарху, что ему нечего опасаться. Скажи ему, что я... Ну, ты сама знаешь, что ему следует сказать!

Дафна понимающе закивала.

– Благодарю тебя! – Горго порывисто прижала Дафну к себе.

* * *

А у Дафны между тем было плохое настроение. Горго не заметила этого, поскольку она виделась с ней накоротке и в полумраке. Когда Дафна пришла в дом к своей матери, чтобы встретиться с братом, то ее унылый вид сразу всем бросился в глаза.

Астидамия пожелала узнать, почему ее дочь такая хмурая. И это в день возвращения ее любимого супруга из похода!

– Не отмалчивайся, Дафна, – молвила дочери Астидамия. – Говори, что случилось! Я должна знать про твои неприятности.

– Ах, мама! – Дафна тяжело вздохнула. – Не знаю, как и сказать тебе об этом.

– Говори, как есть, – настаивала Астидамия. – Я хочу разделить твою печаль.

– И я хочу того же, – вставил Леарх, появившийся из другой комнаты. – Не таись от нас, Дафна.

Дафна уселась на стул и, собравшись с духом, произнесла:

– Дело в том, что мой муж вернулся из похода с ранением... в спину.

Повисла недолгая гнетущая пауза, во время которой мать и сын обменялись тревожным быстрым взглядом.

– Трудно поверить в это, – пробормотала Астидамия.

– И что, рана глубокая? – участливо спросил Леарх.

– Глубокая, – не глядя на брата, ответила Дафна. – Я сама меняла повязку Сперхию. Заметно, что рана от копья.

– Что Сперхий-то говорит? – поинтересовалась Астидамия.

– Ничего он не говорит! – раздраженно промолвила Дафна. – Только ругается и пьет вино. Он лишь обмолвился, что боевой строй не покидал и от врага не бежал.

– Не печалься, дочь моя, – ободряюще проговорила Астидамия. – В сражении всякое случается. Важно, что Сперхий не покинул своих соратников на поле битвы. Эфоры и старейшины непременно учтут это.

– Учтут или нет, но лохагом Сперхию уже не быть, – мрачно сказала Дафна.

Возразить на это не осмелились ни Леарх, ни Астидамия.

В Спартанском государстве военная доблесть считалась важнейшей добродетелью граждан. Смерть на поле сражения была почетна для любого спартанца. С юных лет спартанцев воспитывали не отступать ни перед каким врагом, поэтому любые ранения в спину воспринимались властями Спарты как свидетельство трусости, даже если раненый в спину воин не покидал боевой строй фаланги. Спартанцев, получивших рану в спину, не ограничивали в гражданских правах, но им строгойше запрещалось занимать командные должности в войске.

Честолюбивая Астидамия в душе была сильно раздосадована тем, что ее зять Сперхий из-за случайного ранения в спину будет вынужден из военачальников перейти в простые воины. Это, в свою очередь, лишает Сперхия возможности в будущем занять кресло эфора. Да и будущие дети Сперхия и Дафны могут лишиться кое-каких привилегий по вине их отца, получившего в битве такую неудачную рану.

Однако не в характере Астидамии было мириться с жизненными невзгодами. С присущей ей настойчивостью Астидамия принялась убеждать Дафну, чтобы та немедленно поговорила с Горго.

– Постарайся через Горго воздействовать на царя Леонида, ведь его связывает со Сперхией давняя дружба, – молвила дочери Астидамия, слегка встряхнув ее за плечи. – Главное, не отчаиваться. Если рану Сперхия нельзя скрыть, значит, надо с помощью Леонида убедить

старейшин и эфоров в том, что Сперхий не утратил своей храбрости и не покрыл себя бесчестьем. Стало быть, Сперхий достоин и впредь оставаться лохагом. Ты слушаешь меня?

Астидамия встряхнула дочь за плечи.

– Слушаю, – сердито отозвалась Дафна и высвободилась из материнских рук. – Но с этим я к Горго не пойду. Если царь Леонид захочет, он и без моих хлопот вступится за Сперхия перед старейшинами и эфорами.

– Ну и зря! – досадливо обронила Астидамия. – Твое упрямство, Дафна, теперь не к месту!

– Это не упрямство, – возразила Дафна.

– Ну и гордость твоя сейчас тоже ни к чему! – сказала Астидамия.

Она удалилась в свои покои, явно недовольная дочерью.

Оставшись наедине с Леархом, Дафна торопливо передала брату устное послание от Горго.

* * *

Эфоры и старейшины долго и дотошно выясняли обстоятельства ранения в спину лохага Сперхия.

В сражении с кидонянами спартанцы и их союзники одержали полную победу. Враг оставил поле битвы, бросив своих раненых и убитых. После этого поражения власти города Кидонии запросили мира. Земельная тяжба кидонян с городом Гортиной, таким образом, при вооруженном вмешательстве спартанцев разрешилась в пользу гортинцев.

В битве с кидонянами Леонид находился на правом фланге своего войска.

Сперхий возглавлял центр спартанской фаланги. Там, где сражался Сперхий, сопротивление кидонян было наиболее сильное. Положительно отзывались о действиях Сперхия в момент опасности подчиненные ему младшие командиры. Мужество и воинское умение Сперхия особенно проявились, когда боевой строй лакедемонян на какое-то время перемешался с боевыми порядками кидонян. Тогда-то в сумятице битвы кто-то из врагов с близкого расстояния ударил Сперхия дротиком в спину пробив панцирь. Несмотря на рану, Сперхий не покинул строй фаланги.

Леонид заявил, что Сперхию следует воздать хвалу за доблесть, а не выискивать нечто неподобающее в его поведении во время сражения.

Старейшины и эфоры оказались в трудном положении.

С одной стороны, имелось много свидетелей мужественного поведения Сперхия на поле битвы, где спартанцы и гортинцы в конце концов взяли верх над кидонянами. Но с другой стороны, существует закон, который гласит, что рана в спину приравнивается к трусости и за это полагаются определенные взыскания. В данном случае Сперхия следовало разжаловать из лохагов в простые воины.

После долгих споров эфоры предоставили решающее слово старейшинам, дабы те тайным голосованием вынесли окончательное решение по этому делу.

Старейшины, испытывая уважение к Сперхию, храбрость которого была общеизвестна, но в то же время не желая нарушать закон, вынесли следующее постановление: «Лишить Сперхия, сына Анериста, звания лохага до той поры, пока не заживет рана у него на спине».

Глава пятая

Леонид и Клеомброт

В это зимнее утро Симониду наконец-то посчастливилось познакомиться с царем Леонидом и с его родным братом Клеомбротом. Мегистий привел Симонида домой к Леониду, к которому в это время ненадолго заглянул Клеомброт.

Для своих пятидесяти лет Леонид выглядел очень молодо благодаря своему статному сложению. Крутые мускулы играли на его мощной груди, на широких плечах и длинных руках. Царь был одет в неброский короткий хитон из шерстяной ткани.

Сочетание мужественности и благородства было заметно во взгляде Леонида, в росчерке его губ, в каждой черточке его загорелого лица. Длинные выющиеся волосы царя имели светло-пепельный оттенок. Его короткая борода была заметно светлее волос на голове. Усов царь не носил, как и все мужчины в Спарте.

Эта особенность во внешнем облике спартанцев сразу бросилась в глаза Симониду, едва он прибыл в Лакедемон.

Если борода издревле ассоциировалась у эллинов с мудростью и мужественностью, то усы воспринимались эллинами как нечто несоответствующее возвышенному образу свободного и благородного человека. Эллы давно подметили, что во всех варварских племенах мужская часть населения отращивает длинные усы и очень гордится ими. По этой причине, дабы подчеркнуть свое внешнее отличие от варваров, эллы на заре своей истории отказались от ношения усов.

В нынешние времена, когда варварский мир уже не казался эллинам скопищем диких и кровожадных людей, когда эллы почерпнули немало полезного для себя у презираемых ранее варваров, изменилось и их отношение к существующим некогда запретам. Во времена Симонида во всех государствах Греции мужчины уже не считали зазорным носить усы, следуя давно установившейся новой моде. И только Спарта оставалась последним архаическим островком, где ношение усов было запрещено законом. Спартанцы и поныне считали себя выше варваров, причем до такой степени, что всякое сходство с варварами воспринималось в Лакедемоне недопустимым и оскорбительным.

Принимая власть, эфоры первым делом объявляли войну илотам и отдавали через глашатая приказ всем гражданам Спарты сбрить усы.

Об этом Симонид узнал от Мегистия, который тоже брил усы, поскольку жить среди спартанцев и не подчиняться их законам было невозможно.

С древних же времен спартанцы сохранили обычай носить длинные волосы. Спартанский законодатель Ликург полагал, что пышная шевелюра к лицу всякому воину.

Это утверждение древнего законодателя Симонид не мог не вспомнить, глядя на Леонида и Клеомброта. И тому и другому были очень к лицу длинные волосы. Если в правильных чертах Клеомброта, в его открытой улыбке, в блестящих голубых глазах было некое сходство с Аполлоном, прекрасным сыном Зевса, то в чертах лица Леонида, в его прямом носе, сильной шее и твердом взгляде можно было узреть сходство с Аресом, богом войны.

У Симонида было такое чувство, что он сидит и беседует не с обычными людьми, но с ожившими статуями богов, которые ему довелось увидеть в Коринфе, в мастерской у одного известного ваятеля. Этот скульптор создавал статуи богов из мрамора и бронзы, облаченными в старинные архаические одежды, со старинными прическами и без усов. Боги не могут меняться, как люди, ибо эллинские боги вряд ли позаимствуют у варварских богов их стиль причесок или покрой одежд. Так рассуждал тот коринфский ваятель, поклонник старины. Еще ваятель восхищался Спартой, где, по его мнению, живут истинные эллы, не испорченные чуждыми веяниями.

Все познается в сравнении. Оказавшись в Спарте, Симонид в полной мере оценил правоту слов коринфского ваятеля. Несомненно, спартанцы сильно отличаются от афинян и коринфян, от всех прочих эллинов. Весь уклад их жизни пронизан древними обычаями, отступать от которых спартанцам было запрещено законом.

Симонид был поражен простотой обстановки жилища царя Леонида. Дом, доставшийся Леониду в наследство от старшего брата, выглядел довольно ветхим. Пол кое-где просел, на стенах были видны глубокие трещины от частых в этих местах землетрясений. Колонны портика потемнели от времени, омытые многими дождями и опаленные солнцем. По словам Мегистия, эти колонны были изготовлены из дубовых стволов при помощи одного топора.

Потускневшие росписи на стенах носили печать той старинной художественной школы, которая давно была предана забвению нынешним поколением греческих живописцев.

В разгар беседы вдруг появился царский посыльный. Это был Ликомед, сын Мегистия, который сообщил Леониду, что эфоры позволяют ему сегодня вечером отужинать у себя дома, чтобы Симонид не испытывал неудобств. Такое же разрешение Ликомед передал и Клеомброту.

Вскоре пожаловали в дом Леонида молчаливые слуги из дома сисситий, которые принесли доли от общей трапезы для Леонида и Клеомброта.

Симонид, повидавший на своем веку немало правителей и просто богатых людей, часто разделявший с ними застолье, был несказанно удивлен скромностью ужина в доме спартанского царя. На столе на плоских глиняных тарелках были разложены еще теплые ячменные лепешки с тмином, порезанный тонкими ломтиками козий сыр, сушеные фиги. Для возбуждения аппетита, как и повсюду в Элладе, были поданы соленые оливки.

Любопытство взыграло в Симониде при виде какого-то черного горячего варева с довольно неприятным запахом. Слуги наполнили этим варевом две глубокие глиняные тарелки и поставили их на стол перед Леонидом и Клеомбротом.

Леонид пригласил к столу и Ликомеда, которому слуги тоже подали черную похлебку в глиняной миске. Видя это, Симонид шепотом спросил у сидящего рядом с ним Мегистия, почему этой черной похлебкой не угощают их.

– Друг мой, эта пища не для нас с тобой, – негромко ответил Мегистий. – Эта еда только для спартанцев.

– Однако твой сын ест этот черный суп. – Симонид кивнул на Ликомеда, который бойко орудовал ложкой, склонившись над своей тарелкой.

– За время, проведенное в Спарте, мой сын привык к пище спартанцев, ведь он молод и крепок, в отличие от нас с тобой, – сказал Мегистий. – Я же так и не смог привыкнуть к похлебке из бычьей крови, да извинят меня присутствующие за этим столом.

При последних словах Мегистий посмотрел на Леонида и его брата, которые вкушали черный суп с не меньшим аппетитом, чем Ликомед. Леонид чуть заметно кивнул Мегистию, давая ему понять, что с пониманием относится к его словам.

– Я слышал об этой знаменитой похлебке из бычьей крови, которую готовят только в Лакедемоне и больше нигде, – с неким вызовом в голосе промолвил Симонид. – Я хочу ее попробовать. Здесь и сейчас.

Мегистий от услышанного чуть не поперхнулся косточкой от оливок.

– Ты с ума сошел! – зашипел он на Симонида. – Эта пища не для твоего желудка!

– Я не могу, оказавшись в Спарте, не попробовать черную похлебку, – упрямо заявил Симонид.

– Что ж, желание гостя для нас – закон, – проговорил Клеомброт, переглянувшись с Леонидом.

По знаку Клеомброта молодой раб вылил из котла в тарелку остатки черного супа и осторожно поставил это еще теплое блюдо на стол перед Симонидом. Ликомед протянул Симониду медную ложку в виде львиной лапы.

Мегистий опасливо отодвинулся от Симонида, когда тот погрузил ложку в черное варево. При этом на лице у Мегистия появилось насмешливо-язвительное выражение. Мол, ты хотел этого, вот и получи, приятель!

Симонид бесстрашно отправил ложку с черным супом себе в рот и с видимым усилием проглотил ее содержимое. После чего Симонид откусил кусок от ячменной лепешки и тщательно разжевал его. Вторая ложка с черной похлебкой была проглочена Симонидом с еще большим усилием. После третьей ложки со спартанским варевом Симонид закашлялся, прикрыв рот ладонью.

– Теперь ты убедился в правоте моих слов, – не без ехидства заметил Мегистий после того, как Симонид немного отдышался.

– Убедился, – хрипло проговорил Симонид, отодвигая от себя тарелку с черной похлебкой.

Решимость Симонида отведать исконного спартанского блюда произвела благоприятное впечатление на Леонида и его брата. Они поведали Симониду, что вот так сразу еще никому не удавалось съесть хотя бы полтарелки супа из бычьей крови. Самих спартанцев приучают к этой пище постепенно, начиная с тринадцати лет. Женщины в Спарте и вовсе не обязаны вкушать эту черную похлебку.

– Это еда для воинов, – молвил Симониду Клеомброт. – Черная похлебка быстро восстанавливает силы и надолго утоляет голод. Однако в походных условиях мы этот суп не едим, чтобы секрет приготовления этого кушанья случайно или с умыслом не достался чужеземцам.

– Повара, которые готовят черную похлебку, не имеют права покидать Лаконику, – добавил Леонид.

После ужина Леонид и его гости перешли из трапезной в центральную комнату мужского мегарона. Здесь они продолжили беседу, одновременно угощаясь вином из серебряных чаш. В помещении были зажжены светильники, так как за окнами сгустились сумерки.

Внезапно до слуха Симонида донесся нежный женский голос, поющий грустную песню под мелодичные переборы струн кифары. Симонид завертел головой по сторонам: песня звучала где-то совсем рядом.

– Это поет Горго, моя жена, – сказал Леонид, заметив беспокойство Симонида.

– Какое дивное пение! – восхитился Симонид, понимавший толк в музыке. – Царь, не покажется ли дерзостью с моей стороны, если я попрошу твоего дозволения пригласить Горго сюда к нам? Пусть она споет для нас.

– Твоя просьба выполняема, Симонид, – промолвил Леонид, повелев слуге пригласить Горго в мужской мегарон.

Едва слуга скрылся за дверью, Клеомброт негромко обронил, обращаясь к Леониду:

– Пожелает ли эта гордячка петь для нас? Я думаю, Горго вообще не выйдет к нам!

– Прибежит! – усмехнулся Леонид. – Примчится, когда узнает, что у меня в гостях знаменитый Симонид. Вот увидишь, брат!

– Да будет тебе известно, друг мой, Горго обожает поэзию. – Клеомброт повернулся к Симониду: – Поэты для нее поистине высшие существа!

– Мне приятно это слышать, – сказал Симонид.

Мужской смех, звучавший в мегароне, был так заразителен, что Горго, появившаяся в дверях, в нерешительности замерла на месте.

Леонид, подойдя к жене, представил ей Симонида, сделав широкий жест в его сторону. Симонид поднялся со стула.

– Приветствую тебя, Симонид! – сказала Горго, при этом ее щеки слегка зарделись. – Для меня большая радость встретиться с тобой.

Симонид с чувством продекламировал стихотворное приветствие, мигом сложившееся у него в голове. Суть приветствия сводилась к тому, что, услышав пение Горго, Симонид был приятно поражен прекрасной гармонией звуков, а теперь, увидев Горго, он поражен еще больше ее внешней прелестью.

Горго одарила Симонида взглядом, полным признательности.

Царица вышла к гостям в темно-вишневом пеплосе, расшитом по нижнему краю золотыми нитками. Ее голова была украшена пурпурной диадемой. В руках Горго держала небольшую кифару.

Леонид без долгих предисловий попросил Горго порадовать Симонида своим пением.

– Пусть твоя песня, Горго, сгладит впечатление Симонида о нашей черной похлебке, – добавил Леонид с добродушной улыбкой.

– Вы что же, угощали Симонида этой гадостью?! – недовольно воскликнула Горго, переводя взгляд с мужа на Клеомброта и обратно. – Да как вы могли?! Нашли, чем порадовать гостя!

Леонид и Клеомброт, перебивая друг друга, принялись оправдываться перед Горго. Симониду пришлось прийти им на помощь, чтобы смягчить гнев юной царицы.

Затем наступило истинное волшебство, когда Горго уселась на стул, пробежала пальцами по струнам кифары и запела немного печальную песню о круговороте звезд в ночных небесах, об обрывках снов, тревожащих сердца влюбленных... Как похожи хороводы танцующих людей на светящиеся в ночи хороводы звезд, пела Горго. Как легко порой боги обрывают нить чьей-то судьбы, и как трудно зачастую связать две нити в одну. Поэтому жизнь многих мужчин и женщин более напоминает обрывки судеб, обрывки снов и череду разочарований.

Симонида так захватило вдохновенное пение Горго, что он позабыл обо всем на свете. Его романтическая душа вдруг расправила крылья, в груди у него разлилось волнительное томление, а на глазах выступили слезы. Ведь и ему не посчастливилось соединить свою судьбу с женщиной, способной тонко чувствовать прекрасное, сочетающей в себе восхитительную душевную гармонию с изумительным внешним совершенством.

Симонид знал по своему жизненному опыту, что таких женщин на свете очень мало, но они есть. И Горго, несомненно, была из их числа.

Когда песня отзвучала и смолкли последние аккорды струн кифары, то оказалось, что Симонид стал единственным из слушателей, которого пение Горго восхитило до глубины души. Леонид сидел с непроницаемым лицом. С таким же каменным спокойствием на лице пребывал и Клеомброт. Юный Ликомед больше любовался станом Горго, нежели внимал ее пению. Он, видимо, еще не дорос до высоких чувств и переживаний. Мегистий хоть и слушал пение царицы со вниманием, тем не менее он нисколько не проникся смыслом этой глубоко чувственной песни.

Симониду пришлось одному рассыпаться в похвалах, превознося дивный голос Горго, ее умение чувствовать музыку и извлекать из струн кифары замечательный звукоряд.

Горго и Симонид, несмотря на большую разницу в возрасте, вдруг ощутили взаимное притяжение. Эта песня словно протянула между ними невидимую нить взаимной симпатии. Так всегда бывает, когда встречаются две родственные натуры, мысли и чувства которых совпадают во многом, если не во всем.

Симонид спросил у Горго, на чьи стихи положена эта музыка. Горго ответила, что это стихи Сафо. Поэт и царица заговорили о знаменитой лесбосской поэтессе, совсем забыв про окружающих.

Однако поговорить им не дали.

– Будем считать это распевкой голоса, – сказал Клеомброт, обращаясь к Горго. – Видишь, как понравилась Симониду эта слезливая песенка. Теперь исполни-ка наш любимый с Леонидом пеан в честь Геракла, чтобы Симонид по достоинству оценил настоящее песенное искусство.

– Давай, Горго! – поддержал брата Леонид. – Грянь нам «Хвалу Гераклу»!

Судя по лицу Горго, на котором отразились все оттенки презрительного неудовольствия, ей совсем не хотелось исполнять этот пеан. И все же Горго подчинилась с видом уязвленной гордости. Кифара вновь ожила у нее в руках. Под сводами мегарона зазвучал торжественный гимн, прославляющий подвиги величайшего из героев Эллады.

Горго взяла слишком высокую тональность, поэтому для перехода к следующей строфе ей не хватило воздуха. Эту оплошность Горго мигом исправили Леонид и Клеомброт, которые дружно подхватили песню, исполнив прекрасный рефрен на два голоса. Оба обладали мягким басом и хорошо чувствовали ритм мелодии. Мегистий принялся выстукивать дробные рулады на медном подносе, отлично выдерживая такт. В руках у Ликомеда появилась флейта, дивные трели которой гармонично вплелись в общий музыкальный фон.

Нежный голос Горго был почти не слышен, заглушаемый могучим пением Леонида и Клеомброта, которые даже поднялись со скамьи, увлекшись исполнением своего любимого пеана. Они ни разу не сбились, ни разу не ошиблись ни в паузах, ни в тональности. Дабы столь замечательно петь на два голоса, нужно было иметь не только сильное дыхание, но и основательную музыкальную школу за плечами.

Впечатлительный Симонид был совершенно потрясен и этим пеаном, и тем, как Леонид и Клеомброт, при своей грубоватой внешности, исполняют этот сложный по своей музыкальной ритмике гимн, рассчитанный скорее для хора, а не для двух-трех певцов.

Когда отзвучал последний торжественный нота, Леонид и Клеомброт вновь сели на скамью, весьма довольные тем, что не ударили в грязь лицом перед столь взыскательным слушателем, как Симонид.

– За такое отменное пение вы оба удостоились бы победного венка на любом мусическом состязании. Я убежден в этом! – с искренним восхищением промолвил Симонид, обращаясь к Леониду и его брату. – Не будь вы оба военачальниками, я смело предложил бы вам всерьез заняться пением. Где вы научились так изумительно петь?

– Этому мы научились в Спарте, – ответил Леонид.

А Клеомброт добавил:

– В Лакедемонской юношей обучают не только владению оружием, но и музыке, пению и танцам.

– Не забывай, Симонид, ведь Лакедемон – родина Алкмана, Фринниды и Терпандра, – не без гордости в голосе заметил Леонид.

– О, теперь я об этом никогда не забуду, царь! – восторженно проговорил Симонид.

– Ты ошибаешься, Леонид, – с нескрываемым раздражением встала Горго. – Терпандр родился на острове Лесбос. В Спарту он переселился уже зрелым мужем.

– Пусть Терпандр появился на свет на Лесбосе, но отчизной ему стала Спарта, – вступился за брата Клеомброт. – Терпандр прославился как музыкант именно в Спарте. Он и похоронен здесь.

Симониду стало как-то неловко перед Горго за свои восторги от пения Леонида и Клеомброта, поэтому он попросил царицу спеть что-нибудь еще.

К просьбе Симонида присоединился Клеомброт, который стал уговаривать Горго исполнить пеан в честь Гераклидов, предков спартанских царей. Об этом же попросил жену и Леонид.

Горго уступила просьбам, однако выражение ее лица при этом было довольно мрачное. Было заметно, что подобные песни ей явно не по душе.

Гимн Гераклидам начинался с торжественной просодии, когда кифара и флейта вступают одновременно, поэтому Ликомед заиграл на флейте в тот же миг, едва струны кифары зазвенели под пальцами Горго.

Царица пропела лишь вступление, дальше песню вновь подхватили Леонид и Клеомброт. В пеане говорилось о долгих скитаниях потомков Геракла перед тем, как они захватили Лаконику, основав здесь свое царство. Это был воинственно-патриотический гимн мужеству и целеустремленности древних основателей Спартанского государства.

Этот пеан Симонид слышал впервые в жизни. Судя по музыкальному звукоряду и метрике строф, это был очень древний гимн. Быть может, подумалось Симониду, этот пеан был сочинен еще при первых царях Спарты.

Неожиданно струны кифары смолкли, из-за этого сбилась с музыкального ритма и флейта.

Клеомброт раздраженно повернулся к Горго:

– В чем дело?

– Я устала и хочу спать, – с холодным спокойствием заявила Горго и поднялась со стула.

Клеомброт с кривой ухмылкой взглянул на Леонида, как бы говоря ему взглядом: «Полюбуйся на свою капризную женушку! Вот что она себе позволяет!»

Леонид попытался убедить Горго доиграть пеан до конца.

– Мы ведь поем сейчас не для того, чтобы досадить тебе, но из желания сделать приятное Симониду, – сказал царь.

Но Горго была непреклонна.

Поняв, что уговорить Горго ему не удастся, Леонид принес свои извинения Симониду за столь резко прерванный пеан.

Симонид в вежливых выражениях заверил Леонида, что он вовсе не в обиде за это ни на него, ни тем более на его прелестную жену.

– Я тоже хочу извиниться перед Симонидом, но не здесь, – промолвила Горго и направилась к дверям, поманив смущенного кеосца за собой.

– Иди, иди за ней, Симонид! – с усмешкой сказал Клеомброт. – Когда еще тебе посчастливится услышать извинения из уст спартанской царицы!

Оказавшись наедине с Горго в полутемном смежном помещении, откуда одна дверь вела во внутренний дворик, а другая на женскую половину дома, Симонид почувствовал, что царица взяла его за руку. Он ощутил ее внутреннее волнение, поэтому невольно заволновался сам.

Попросив у Симонида прощения за недопетый по ее вине гимн в честь Гераклидов, Горго вдруг заговорила о спартанском юноше Леархе, который этим летом стал победителем в пентатле на Олимпийских играх и должен был поехать на зимние Немейские игры, чтобы состязаться в двойном беге.

– Я хочу попросить тебя, Симонид, сочинить эпиникию в честь Леарха, – промолвила Горго, запинаясь от волнения, – если конечно... он победит. Я готова заплатить тебе, сколько скажешь.

– Этот юноша твой родственник, царица? – поинтересовался Симонид.

– Нет, он не родственник мне, – тихо ответила Горго. – Просто я очень люблю его!

Это признание Горго растрогало Симонида до глубины души. В этот миг Симониду стало ясно, какая глубокая пропасть разделяет Горго и Леонида. И причина этого даже не в их возрастном неравенстве. Горго просто создана для мужчины иного душевного склада, чем Леонид.

– Я обязательно поеду на Немейские игры, царица, – сказал Симонид. – И если боги даруют Леарху победу в двойном беге, то я непременно сочиню эпиникию в его честь. Денег за это я с тебя не возьму, царица. Твое доброе расположение ко мне есть лучшая награда для меня!

Наклонившись, Симонид поцеловал руку Горго.

Глава шестая

Леотихид, сын Менара

Так получилось, что Немейские игры совпали с приездом в Спарту послов с острова Родос.

Царь Леонид, поначалу горевший желанием поехать в Немею, изменил свое намерение, узнав, что за беда вынудила родосцев просить помощи у спартанцев.

Двое родосских послов в присутствии эфоров, старейшин и обоих спартанских царей рассказали о бесчинствах, творимых персами на острове Родос:

– Родосская знать унижена тем, что персы взяли в заложники высокородных дочерей и превратили их в наложниц, а юношей-заложников персы обратили в евнухов, – перечисляли свои обиды родосские послы. – Наши сограждане лишились боевых кораблей. Персы отняли у нас даже заготовленный корабельный лес. Персидский царь обложил Родос высокой денежной податью, и это несмотря на то, что родосцы не принимали участия в Ионийском восстании. Граждане Родоса тайно сошлись с эллинами, живущими на острове Кос, предложив им поднять восстание против варваров. Косцы выразили готовность начать войну с персами при условии, что в этой войне их поддержит Спарта. Народное собрание родосцев постановило просить помощи у спартанцев, ведь граждане Родоса и Коса принадлежат к дорийскому племени, как и граждане Лакедемона.

Выслушав речь родосских послов, государственные мужи Лакедемона оказались перед непростой дилеммой. Кое-кто из старейшин был согласен оказать помощь родосцам и косцам. Однако правом объявления войны обладали эфоры, по настроению которых было видно, что ввязываться в войну с персидским царем им явно не хочется.

Перед тем как приступить к прениям, эфоры удалили родосских послов из здания герусии.

Прения открыл эфор-эпоним Евксинефт. Это был высокий длиннородый муж, в больших голубых глазах которого сквозили ум и надменность. Длинные выющиеся волосы живописно обрамляли волевое лицо эфора-эпонима с прямым носом и твердым росчерком губ. Гиматий Евксинефта не блистал новизной, как и стоптанные сандалии на его ногах. Гоняться за богатством и внешней роскошью в Лакедемоне считалось занятием недостойным, поэтому спартанские граждане порой выходили из дому в заплатанных и полинялых одеждах, тем самым выказывая свое презрение к щегольству.

– Родосские послы рассказали нам многое, но не все, – заговорил Евксинефт, поднявшись с кресла. – Послы почему-то умолчали о том, что незадолго до вторжения персов на Родос близ берегов этого острова был потоплен финикийский корабль с отрядом персов на борту. Финикийское судно было потоплено родосскими триерами. Никто из команды того финикийского корабля не спасся. Персидский царь потребовал от властей Родоса выдать ему тех людей, кто участвовал в потоплении финикийского судна. Родосцы ответили персидскому царю надменным отказом. Вот по какой причине персы отняли у родосцев их боевые корабли, взяли у них заложников и обложили Родос высокой податью.

В конце своей речи Евксинефт предложил отказать родосцам в помощи, поскольку в своей беде они виноваты сами. Воевать с персидским царем Евксинефт считал делом не только бессмысленным, но и несправедливым. Это будет выглядеть так, будто спартанцы готовы поддерживать родосцев, не принимая во внимание их вину перед персидским царем.

Прочие эфоры единодушно согласились с Евксинефтом.

Среди старейшин такого единодушия не было. Выступая один за другим, старейшины в большинстве своем ругали персов и выгораживали родосцев, настаивая на объявлении войны персидскому царю. Основным доводом воинствующих геронтов было то, что сегодня персы

хозяйничают на Родосе и Косе, завтра варвары приберут к рукам остров Крит, а там, глядишь, доберутся и до Пелопоннеса.

– Ионийцы потерпели поражение от персов, поскольку они не получили подмоги из Эллады, – молвил кто-то из старейшин, настроенный непримиримо против варваров. – Персы разрушили Милет, завладели проливами на Мраморном море, подчинили себе все острова в восточной части Эгейского моря. Если бы в свое время Афины и Спарта, договорившись, выступили совместно против персов на стороне ионийцев, то ныне нам не пришлось бы затевать этот спор, помогать или не помогать родосцам, пострадавшим от варваров.

Старейшины, не желавшие воевать с персидским царем, указывали на то, что если бы азиатские эллины вели войну с персами более решительно, то варвары были бы разбиты на суше и на море.

– Ведь те же родосцы и косцы не пожелали участвовать в Ионийском восстании, – звучали голоса геронтов, сторонников Евксинефта. – Получается, что родосцы навлекли на себя беду не потоплением финикийского судна у своих берегов, а тем, что не помогли ионийцам сбросить персидское иго пятнадцать лет тому назад. Если у родосцев не хватило прозорливости тогда, в пору восстания ионян, значит, у спартанцев должно хватить здравого ума ныне, чтобы не ввязываться в войну с державой Ахеменидов.

Евксинефт, устав от долгих споров, предложил высказаться царям.

Первым взял слово царь Леотихид:

– Если спартанцы проголосуют за войну с персами и поручат мне возглавить войско, то предупреждаю сразу всех присутствующих: победить в этой войне нам не удастся, – промолвил Леотихид, мрачно сдвинув брови.

В облике Леотихида сразу бросалась в глаза некая расположенность к раздражению и неудовольствию. Его густые светлые брови слишком низко нависали над глазами, отчего взгляд Леотихида казался хмурым. Тонкие губы Леотихида имели привычку нервно подергиваться в минуты волнения, еще у него хорошо получались кривые усмешки и ухмылки. Глаза Леотихида имели ярко выраженный овальный разрез, причем уголки этих глаз были опущены книзу. От этого казалось, будто Леотихид взирает на окружающих с легким подозрительным прищуром. Леотихид имел мощное телосложение, но при этом он в свои тридцать девять лет ни разу не отличился на войне ни как храбрый воин, ни как умелый военачальник.

При своей необъятной лени и нежелании стоять во главе войска, Леотихид тем не менее обладал неумным тщеславием, всепоглощающей завистью и частыми приступами уязвленного самолюбия.

Эфоры и старейшины прекрасно знали Леотихида, как и его манеру говорить, поэтому сказанное им никого не удивило и не разочаровало. Все ожидали, что скажет царь Леонид, обладающий такой массой достоинств, ценимых в Спарте, что зачастую его мнение воспринималось согражданами как единственно верное и неоспоримое.

– При всем моем уважении к Евксинефту, я хотел бы спросить у него, каково было бы его решение, если бы на родосцах не было вины в потоплении финикийского судна, – произнес Леонид, взирая на эфора-эпонима прямым открытым взглядом. – Могли бы тогда родосцы рассчитывать на помощь из Спарты в деле защиты своей попранной персами свободы?

– Даже в таком случае мое мнение осталось бы прежним, – твердо проговорил Евксинефт. – Дело не в вине родосцев, а в могуществе персидского царя.

Среди старейшин прокатился недовольный гул.

Леонид поднял руку, призывая к тишине.

– Выходит, дело не в виновности родосцев, налицо самый обычный страх эфора-эпонима перед персами, – вновь заговорил Леонид, обращаясь к старейшинам и эфорам. – Тут кто-то говорил про прозорливость, которой в свое время не хватило родосцам. А не повторим ли и мы ошибку родосцев, отказав им в помощи сейчас, когда персы еще не добрались до Крита.

Почему наши союзники на Крите получили нашу помощь в войне против Кидонии, а родосцам многие из вас, уважаемые, помогать не хотят, невзирая на племенное родство с ними. Разве это справедливо? Разве это достойно нашей воинской славы?

Со стороны старейшин послышались одобрительные возгласы.

– Война с Кидонией и с персидским царем – не одно и то же! – раздраженно воскликнул Евксинефт. – Персидское войско в сто раз многочисленнее войска кидонян, это надо понимать!

– С каких пор, уважаемый Евксинефт, спартанцы стали страшиться врага, еще не вступив в войну с ним! – сказал Леонид. – Неужели мы хотим показать нашим союзникам в Элладе, что Спарта всегда готова выступить против заведомо слабейшего врага, что спартанцы не смеют греметь оружием, если дело касается персидского царя.

– У Спарты нет сильного флота, а у персов имеется очень много боевых кораблей, – промолвил Евксинефт. – Наше войско может оказаться отрезанным на Родосе.

– Корабли нам могут дать наши союзники, коринфяне и критяне, – сказал на это Леонид. – Я готов возглавить спартанское войско в походе на Родос. Главное – действовать решительно и быстро!

Данной ему властью Евксинефт поспешил закрыть заседание, объявив, что сначала нужно спросить оракула Аполлона в Дельфах, как повелось исстари. По сути дела, это была единственная возможность для эфора-эпонима и его сторонников оттянуть время и не позволить старейшинам перенести решение этого вопроса в народное собрание.

* * *

Подтверждением того, что эфоры не собираются оказывать помощь родосцам, стали долгие сборы священного посольства в Дельфы. По пути в Дельфы спартанские феоры, так назывались священные послы, на несколько дней задержались в Немее, чтобы понаблюдать за состязаниями атлетов и ристаниями колесниц. Спартанцы, приехавшие в Немее вместе со своими атлетами, были возмущены нерасторопностью своих феоров. Глава священного посольства на недовольные замечания своих сограждан заявлял, что в зимнюю пору спартанское войско добраться до Родоса не сможет из-за бушующих на море штормов, а посему торопиться в Дельфы феорам нет никакой нужды.

Перед забегом на два стадия к Леарху пришел Симонид, сообщивший ему, что он уже сочинил первые строки эпиникии в его честь.

– Если ты достоин любви Горго, то ты обязательно победишь, мой мальчик! – сказал Симонид Леарху так, чтобы этого никто не услышал. – Я думаю, что ты ее достоин. А посему – дерзай!

Сказанное Симонидом преисполнило Леарха такой решимости стать первым в забеге, словно от этого зависела жизнь Горго. В глубине души Леарх страшился того, что Горго может охладеть к нему, если он сейчас проиграет. Выйдя на беговую дорожку, Леарх не чувствовал холодного ветра, не слышал гула трибун, полных зрителей.

Прозвучавший сигнал к старту, поданный свистком, сделал Леарха подобным стреле, сорвавшейся с тугой тетивы. Леарх не замешкался ни на мгновение, это позволило ему сразу вырваться вперед. Из семерых бегунов только Леарх и коринфянин Сокл постоянно держались впереди. Пробежав половину дистанции, Леарх собрал все силы, желая хоть немного оторваться от быстрого коринфянина. Сокл прилагал не меньшие усилия, стремясь обойти Леарха, но у него не хватало сил для этого. Перед самой красной чертой, отмечающей конец дистанции, Леарху показалось, что сердце у него вот-вот выскочит из груди. Он сделал последнее усилие и проскочил красную черту, как ему показалось, нога в ногу с коринфянином.

Распорядители забега долго решали, кому отдать победу. Двух победителей быть не могло, этого не допускали правила состязаний.

Леарх едва не лишился чувств от бурной радости, когда глашатай объявил его победителем в двойном забеге среди юношей.

Под приветственные крики лакедемонян распорядители состязаний увенчали голову Леарха венком из сухого сельдерея, а в руку ему дали пальмовую ветвь.

Размахивая пальмовой ветвью, Леарх пробежал круг почета по стадию.

В ристании колесниц победила запряжка, владельцем которой был Клеомброт, брат Леонида.

По такому случаю Симониду пришлось написать две эпиникии: одну в честь победы Леарха, другую в честь возницы и лошадей Клеомброта.

В Спарте обе сочиненные Симонидом эпиникии были исполнены мужским и женским хором на главной площади при огромном стечении народа.

В разгар веселья, когда на площади перед герусией в присутствии множества зрителей происходили состязания мужских и женских хоров, а также показывали свое искусство юные танцоры, в это самое время родосские послы появились в праздничной толпе и сразу обратили на себя внимание. Один из родосцев был наряжен, как перс, другой изображал раба-эллина. Родосец, облаченный в персидскую столу, безжалостно хлестал плетью своего соотечественника, пинал его ногами, таскал за волосы. Это действие сопровождалось отборной бранью, мимикой и жестикуляцией. Тем самым родосские послы желали показать, что, покуда спартанцы предаются веселью, варвары в это время притесняют эллинов на Родосе, как хотят.

Разыгрывая свою пантомиму, родосские послы протолкались туда, где на небольшом возвышении восседали эфоры в своих креслах. Посол, изображающий раба, принялся хватать эфоров за колени, громко умоляя их избавить граждан Родоса от персидского гнета.

Эфоры были смущены и раздосадованы. Применить силу против родосцев они не имели права, ибо послы считались людьми неприкосновенными. Эфоры вполне могли бы приструнить родосцев строгим внушением, но это неизбежно нарушило бы праздничное действо, а именно этого и добивались настырные родосские послы. К тому же послы с Родоса, столь настойчиво добивавшиеся помощи для своих сограждан, пользовались симпатией очень многих спартанцев. Эфоры не могли не видеть этого. Любая пресекающая мера против родосских послов грозила вызвать резкое недовольство спартанских граждан против эфоров.

Эфоры пребывали в замешательстве, не зная, что предпринять и как соблюсти свое лицо. Взоры эфоров были обращены на эфора-эпонима, по воле которого и был предпринят хитрый ход с феорами.

Поняв, что просто отсидеться и отмолчаться ему не удастся, Евксинефт подозвал к себе глашатая, в обязанность которого входило объявлять постановления властей.

Выслушав негромкое повеление Евксинефта, глашатай не смог скрыть изумление на своем лице.

В следующее мгновение его зычный голос прокатился над площадью, заполненной народом:

– Спартанские эфоры постановляют: родосским послам разрешается вести себя непристойно!

Это постановление было объявлено трижды.

Торжества на площади продолжались еще около двух часов. Все это время родосские послы продолжали играть свои роли, изображая перса и раба-эллина. Однако того эффекта, на какой они рассчитывали, им не удалось добиться. Выдержка эфоров расстроила замысел родосцев. Оба посла в конце концов удалились с площади, не скрывая своей досады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.